

Недаром помнит вся Россия...

200 лет тому назад в конце июня 1812 года полумиллионная армия “императора Запада”, как он себя величал, Наполеона Бонапарта пересекла границу России и устремилась на Восток. Наполеон, “самовлюблённый герой”, уже видевший себя повелителем мира, полагал, что для достижения этой цели ему осталось сокрушить Россию. Но так не считали русские люди, так не считал великий русский полководец Михаил Илларионович Кутузов, полвека прошедший в сражениях и походах. Противоборство этих великих личностей во многом определило ход мировой истории, судьбу России и Франции, судьбу Европы.

СТАНИСЛАВ ЗОТОВ

КУТУЗОВ И НАПОЛЕОН

Великое противоборство

Они родились с разницей в один месяц: 15 августа – Наполеон, а 16 сентября – Кутузов. Но между этими датами прошло 24 года...

В определённом смысле они были людьми разных эпох. 1745 год, когда в Санкт-Петербурге, в богатой аристократической семье российского генерала и инженера Иллариона Матвеевича Голенищева-Кутузова и его жены, урождённой Беклемишевой, родился единственный сын Михаил, это был год, когда власть аристократических родов в феодально-королевской Европе казалась незыблемой. Наоборот, царские или королевские престолы часто были утлыми челнами в волнах дворцовых интриг могущественных придворных группировок, что в России, что и во Франции. Всего за четыре года до рождения будущего “Спасителя Отечества”, как назовут Михаила Кутузова после его победы над Наполеоном, очередной придворный заговор сбросил с престола утвердившуюся было в России Брауншвейгскую династию родственников императрицы Анны Иоанновны и отдал этот престол в руки “дщери” Петра Великого Елизаветы Петровны. Переворот этот тогдашним русским обществом был воспринят положительно, как залог торжества национальных интересов. Профессор Императорской академии наук Михайло Васильевич Ломоносов написал торжественную “Оду на день восшествия на престол Ея императорского величества государыни Елисаветы Петровны”, где призывал дочь Петра следовать по стопам своего Великого отца во славу России. Поваяло вновь петровским временем, энергией реформ и преобразований.

Да ведь и действительно – к управлению институтами великой державы приходило новое поколение образованных людей, родившихся в петровское бурное время, воспитанное на примере неумного царя-преобразователя. Отец Александра Васильевича Суворова был крестником царя Петра, отец Михаила Илларионовича Кутузова был одним из первых русских военных инженеров, получивших образование за границей. Родившийся в 1718 году, он к моменту рождения своего единственного сына Михаила имел всего только 27 лет от роду, а уже генерал и известный инженер-строитель! По его проекту был построен Екатерининский канал в Санкт-Петербурге, он преподавал в Артиллерийской и Инженерной школе – престижном дворянском учебном заведении, где впоследствии будет учиться и его сын Михаил и, кстати говоря, будет там слушать лекции своего отца и лекции прославленного Михайлы Ломоносова, также привлечённого к обучению будущих офицеров русской армии.

Само рождение Михаила Илларионовича окружено неким налётом таинственности. Так, совершенно неизвестно, кто была его мать. Фамилия Беклемишева как девичья фамилия матери – это всё, что осталось историкам. Даже имя её неизвестно. Но род Беклемишевых, старинный дворянский род уже дал одну замечательную женщину в истории России – Ефросинью Беклемишеву, мать князя Дмитрия Пожарского, тоже ведь “Спасителя Отечества”!.. Тут поневоле задумаешься, что в истории не всё происходит случайно..

Но умерла мать Михаила Кутузова рано, видимо, сразу после рождения единственного своего ребёнка, опять об этом ничего неизвестно, источники доносят до нас только, что Миша Кутузов “лишился матери во младенчестве”. Странно также и то, что молодой вдовец, отец Михаила более уж в своей жизни не вступал в брак, хотя дослужился до высоких чинов и был, конечно, завидным женихом. Нет, он оставался вдовцом, но воспитание единственного сына поручил своему двоюродному брату Ивану Логиновичу Голенищеву-Кутузову, адмиралу, а впоследствии – наставнику великого князя Павла, будущего императора Павла I. Таким образом, воспитателем и Михаила Кутузова и будущего императора был один и тот же человек. Не в этом ли кроется причина большой близости в дальнейшем императора Павла и генерала Кутузова, вошедшего в особый круг ближайших друзей несчастного государя, убитого заговорщиками? Не тут ли и ответ на вопрос, почему Кутузов будет не в фаворе (мягко сказано) у следующего императора – Александра I, до такой степени, что только трагические обстоятельства начала нашествия Наполеона на Россию заставят, да и то не сразу, Александра согласиться на просьбу всего петербургского дворянства о назначении Михаила Илларионовича главнокомандующим русскими военными силами в борьбе с Наполеоном.

Но это будет ещё не скоро, а пока маленький Миша живёт в доме своего дяди, читает, рано научившись грамоте, его богатую библиотеку, и путь его определён – Дворянское Артиллерийское и Инженерное училище, где преподаёт его отец.

А что же в Европе? А в Европе, во Франции – богатейшей и влиятельнейшей стране континента, правит король Людовик XV, очень нуждающийся в деньгах, ведь этот любвеобильный монарх (он так и вошёл в историю под именем Возлюбленный) не может ни в чём отказать своим многочисленным фавориткам (среди которых известная мадам де Помпадур), и казна “богатейшей” страны пуста. Франция того времени представляла собой довольно странное зрелище. Действительно, ставшая во времена царствования “короля-солнца” Людовика XIV влиятельнейшей страной Европы, она держала свой народ в нищете. Деление общества на сословия, когда два первых сословия – священники и дворяне – пользовались исключительными льготами, были освобождены от всех налогов, а тяжесть податей лежала исключительно на низших слоях общества, в том числе и на так называемом “третьем сословии” – нарождающейся и уже довольно влиятельной буржуазии, это деление вело к неизбежному социальному взрыву. Правители Франции задумывались об этом, но лишь в том смысле, что постоянно наращивали численность своей армии, которая должна была тушить вспышки народного недовольства и присоединять к “благословенной Франции” новые территории. Территориальный рост обяван был обеспечивать казне королевства поступление новых доходов в виде налогов с этих завоёванных территорий. Ничто не ново под луной! И Наполеон Бонапарт, став императором, ведь тоже будет проводить точно такую же внешнюю политику, только в гораздо более глобальных масштабах.

Потому неудивительным был захват французскими войсками в мае 1769 года средиземноморского острова Корсика, принадлежащего формально до того времени Генуэзской республике, а фактически – уже освободившегося от иноземной власти, провозгласившего свою независимость во главе с неким местным землевладельцем Паоли, человеком ярким, неординарным, который до последнего вздоха будет бороться за независимость своей родины. В 1755 году отряд Паоли разгромил генуэзцев и освободил Корсику, но недолгим было независимое существование тогдашнего “Острова Свободы” в Средиземном море. Жадный французский двор быстро прибрал его к своим рукам.

Однако нужно ведь было как-то привязать к метрополии новую территорию. Не всё же только кнутом действовать. И вот местному корсиканскому дворянству даются все права, которыми пользуется и дворянство французское. В частности, право отдавать своих сыновей в лучшие государственные военные училища Франции и на государственный кошт! А корсиканцы народ, как известно, воинственный, ведь сам этот остров на протяжении столетий был оплотом и базой всем известных средиземноморских пиратов – “корсаров”, названных так не случайно, а исключительно в честь их родины. Известно, были ли у сына адвоката Карло Бонапарте и его молодой жены Летиции (урождённой Рамолино) из столицы Корсики Аяччо в роду славные и кровавые пираты, но то, что противники Наполеона будут при всяком случае упорно (и не без основания) называть его “корсиканским людоедом”, это – несомненно.

Возможно, что сам Наполеоне (так по-корсикански звучит его имя) пошёл характером не в своего отца Карло – человека доброго, покладистого, несколько рассеянного и любившего “радости жизни”, страдавшего желудочными расстройствами, сгубившими его раньше срока, а в свою мать, необыкновенно энергичную и предприимчивую красавицу Летицию, нарожавшую супругу кучу детей (у будущего императора было 12 братьев и сестёр; впрочем, пятеро умерли в детстве). Характер будущего “покорителя Европы” был таким же бурным, стремительным, взрывным, как у его матери. Даже родился он, как рассказывают, на бегу. Летиция, будучи уже на сносях, не сидела дома, а всё время суежилась по хозяйству и, почувствовав приближение родов, еле успела вбежать со двора в дом.

Да, Наполеон уже с детства отличался бурным темпераментом. Вечно непоседливый, драчливый, своенравный – это был “тяжёлый” ребёнок, и только решительность и жёсткая рука его мамы до поры до времени сдерживали его властные инстинкты. Не первый ребёнок в семье (у него был старший брат Жозеф), он не мог рассчитывать на получение большого наследства, да и на продолжение отцовского дела – обычно дело отца, по законам майората, переходило к старшему сыну. Его жёсткий характер, видимо, обратил на себя внимание родителей, и на семейном совете было решено воспользоваться данным Францией корсиканским дворянам правом отдавать своих детей в военные школы на государственное обеспечение – весной 1779 года Карло отвозит своего 10-летнего сына в Бриеннскую военную школу на востоке Франции. Начинается военная карьера сына адвоката Наполеоне, которая возведёт его к вершинам мировой славы и власти, но, в конце концов, будет пресечена усилиями сына русского инженера Михаила Кутузова.

А что же Кутузов, что делал он в это время в России?

Это была уже несколько иная эпоха. “Просвещённый век” был в разгаре; трон заняла “просвещённая” ученица Вольтера, как она сама любила подчёркивать, немка Екатерина II. Но просвещённая-то она просвещённая, а на престол вступила всё тем же способом – через дворцовый переворот, да через убийство своего нелюбимого мужа, племянника покойной уже к тому времени императрицы Елизаветы Петровны, несчастного Петра Феодоровича, недолго просидевшего на русском троне под именем Петра III.

События эти, произошедшие летом 1762 года, существенным образом оказали влияние на судьбу молодого инженера-прапорщика (в таком чине он был выпущен из стен Артиллерийской и Инженерной школы) Михаила Кутузова. Дело в том, что он, закончив учёбу, довольно быстро стал делать карьеру. На него обратил внимание сам император Пётр III и назначил адъютантом к своему родственнику, голштинскому принцу Петру Августу Фридриху Гольштейн-Бекскому, только что (в январе 1762 года) произведённому в фельд-

маршалы! Естественно, личный адъютант фельдмаршала, к тому же очень расторопный во всех придворных делах, юный Миша Кутузов мог рассчитывать на блестящую карьеру. Однако события лета того года, низвержение императора, а соответственно — и всей его “голштинской” партии, могли поставить крест на блестящей будущности молодого офицера. Новая хозяйка России — императрица Екатерина Алексеевна “перебирала людишек”... Так и блестящий адъютант фельдмаршала вдруг оказывается в должности ротного командира Астраханского полка, даже не гвардейского... И тут ему несказанно повезло! Командиром этого полка назначают мало ещё кому известного Александра Васильевича Суворова. Михаилу Кутузову доведётся со всем тщанием пройти незабываемую военную школу Суворова, его “Науку побеждать”. Это отложится у него на всю жизнь и, несомненно, явится залогом будущих его блестящих побед.

Да и хорошо, что судьба вырвала молодого офицера с лощёного дворцового паркета и бросила в распутицу военных дорог... Кем вырос бы изящный в манерах, красивый (кумир дам!), ловкий и расторопный отпрыск богатого и родовитого отца, если бы не этот поворот судьбы? Россия знала бы ещё одного “великосветского шкоду”, но никогда уж точно не узнала бы сурового “идола северных дружин”, каким предстоит стать Кутузову на гребне своей славы.

Только семь месяцев тогда доведётся прослужить молодому офицеру под началом Суворова; в апреле 1763 года Александра Васильевича переведут командовать более престижным Суздальским пехотным полком, но (примечательный факт!) он успеет дать первую в жизни Кутузова служебную характеристику. Характеристика будет очень лестной: “По усердной его службе к повышению чина быть достойн”. Это нужно было заслужить! Но уехал Суворов, а юный Кутузов всё так же прозябал в своём Астраханском полку. Надо было решаться на что-то, и он решился. Начиналась война в Польше, где усилиями русского правительства на престол был посажен верный сторонник России король Станислав Понятовский, но вся Европа узрела в этом уж слишком большое усиление значения “варварской” России в европейских делах, и польские магнаты, “гордое шляхетство” было подвигнуто на мятеж против своего пророссийски настроенного короля. России нужно было удерживать Польшу, которая, кстати говоря, владела в то время землями и Белоруссии, и Правобережной Украины. Направлять туда большие регулярные части пока опасались, чтобы не вызвать гнев Европы и прежде всего королевской Франции, которая давно уже слыла “радетелем” за “несчастный польский народ” и потому посылала туда и оружие, и военных советников, и постоянно поддерживала состояние внутренней смуты в этой славянской стране.

Для участия в польских делах набирались волонтёры (добровольцы) и в России. И вот в марте 1764 года офицер Астраханского полка Михаил Кутузов отправляется на войну в беспокойную Польшу. Ему тогда было только 18 лет, но жажда славы, стремление вырваться из тенёк скрытой полуопалы, что-то сделать для продвижения по службе толкали его на риск. Так и началась в 18 лет его боевая жизнь, которая закончилась ровно через 49 лет после того, весной 1813 года, и тоже ведь на территории Польши, когда фельдмаршал русских войск, только что разгромивших Наполеона, будет вести свою армию освобождать Европу. И все эти полвека — бурная военная жизнь — походы, сражения, штурмы крепостей, тяжкие ранения и большие награды, интриги недругов, опалы и возвышения по службе...

Кутузову помогло тогда его польское волонтёрство. Он проявил себя, был замечен императрицей Екатериной II. Императрица, видимо, пожалела, что подвергла опале способного (и красивого, надо заметить) молодого офицера из хорошей семьи, и вот Кутузов в июле 1767 года определяется не куда-нибудь, а секретарём Уложенной комиссии, созданной волей “матушки” Екатерины для выработки, ни много ни мало, новых российских законов, своего рода Конституции (видна ученица Вольтера!), вместо устаревшего уже давно Соборного уложения 1649 года царя Алексея Михайловича. Председательствует в этой комиссии (которая иногда рассматривается, как некий предпарламент или сейм, на манер польского) “маршал” (и тут аналогия с польским сеймом) Александр Ильич Бибииков, а с этим семейством Кутузов хорошо знаком с детства, ведь родная сестра «маршала» Катя Бибиикова часто бывала в доме Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова, где воспитывался Миша Ку-

тузов, и с ней он знаком с молодых ногтей. Забегая вперёд, скажу, что Катя Бибикова станет впоследствии женой Михаила Илларионовича и верной его подругой, родившей ему шестерых детей.

Но недолгим было существование комиссии, первой попытки создать представительское учреждение в императорской России. Сама форма народного представительства (а в Уложенную комиссию входили “выборные” от всех сословий русского общества, кроме крепостных крестьян) была противна духу абсолютизма (пускай и “просвещённого”), и когда до Екатерины (которой эта самая Уложенная комиссия на первом своём заседании всеподданейше преподнесла титул “Матери Отечества”) дошло, что некие “выборные” обсуждают крепостнические порядки, бытующие в России, то с комиссией вскоре было покончено. Под благовидным предлогом начала войны с Оттоманской Портой (как тогда именовали Турцию) её распустили.

Интересно, что это событие – разгон первого в истории Российской империи представительского учреждения, совпало по году с одним мало кому ставшим тогда известным происшествием – рождением на острове Корсика, в глухой провинции французского королевства, сына адвоката Наполеоне Бонапарте. Кто бы тогда мог себе представить, что пройдёт 30 лет, и в 1799 году этот самый сын адвоката разгонит в свою очередь французский парламент и положит конец одной из самых кровавых демократий, когда-либо существовавших в мире. Чтобы вскоре учредить одну из самых кровавых империй...

А Михаил Кутузов, лишившись престижного поста, снова оказался в каком-то подвешенном состоянии. Он было вернулся в свой Астраханский полк, потом снова подался в Польшу, где война с Барской конфедерацией (названной так по месту учреждения в городе Бар) польских магнатов-олигархов вспыхнула с новой силой, но вскоре Александр Васильевич Суворов нанёс конфедератам решающее поражение под Краковом, разгромил в сражении у Ландскроны хорошо вооружённый отряд французов, шедших на помощь полякам, под командованием известного генерала Дюмуре, взял цитадель Кракова, и война в Польше была решена в пользу России. Это развязало руки русскому правительству, и Екатерина смогла перебраться из Польши на юг к границам Турции значительные военные силы. Началась борьба за выход России к Чёрному морю. В этой борьбе сразу и ярко заблистала звезда великого русского полководца Петра Александровича Румянцева. В его 1-ю армию, громившую турок в Бессарабии, и попал в 1770 году 25-летний капитан Михаил Кутузов.

Попал не случайно. В армии Румянцева служил его отец генерал-поручик Илларион Матвеевич, видимо, он и составил протекцию своему сыну, вызволив его из бесконечного польского волонтерства. Но сам Михаил Кутузов вовсе не рассчитывал на вечное покровительство отца. Дорвавшись до серьёзных военных дел, он, что называется, закусил удила и с головой кинулся в огонь и дым сражений. Армия Румянцева за короткий срок лета 1770 года провела последовательно три блестящих сражений с турками – при Рябой Могиле, при Ларге и Кагуле. В последнем сражении армия великого визиря была уничтожена полностью, Оттоманская империя была потрясена до основания, но у неё ещё оставались сильные крепости близ побережья Чёрного моря – Бендеры, Очаков, Измаил. Кутузов, который только что отличился в сражении при Кагуле, когда он “... по обращении неприятеля в бегство преследовал его на великое расстояние”, за что получил из рук генерал-фельдмаршала Румянцева чин обер-квартирмейстера премьер-майорского ранга, сам напросился во 2-ю русскую армию, которой командовал граф Панин. Армия эта давно уже осаждала сильную турецкую крепость Бендеры на Днестре, и вот в ночь с 15 на 16 сентября (день рождения Кутузова!) – штурм. Опять Михаил Кутузов впереди, крепость взята, и взят следующий чин – Кутузов уже премьер-майор. Но молодому и, прямо скажем, крайне честолюбивому офицеру всё неймётся, он просит обратного перевода в 1-ю армию Румянцева, поскольку эта армия идёт походом на Бухарест и, значит, будут новые кровавые дела. В победоносном сражении при Попештах близ Бухареста он “направившись на все опасные случаи”, и вот в декабре того же бурного 1770 года он уже подполковник. Головокружительная карьера! И не на дворцовом паркете, а под огнём и в дыму сражений. И этого человека потом кто-то будет упрекать в трусости и робости перед Наполеоном, в лени и сибаритстве...

Это было только начало его военных подвигов, дальше будут ещё более поразительные дела, но тут судьба подставила Кутузову подножку... Пред-

ставьте себе молодого офицера, красивого, удачливого, талантливое, до безумия храброго, который за один год из капитанов стал подполковником, который не боится ничего, любит пошутить, у него артистический талант передразнивать знаменитых людей, и он вовсю пользуется этим талантом, чтобы повеселить своих друзей-офицеров на шумных военных пирушках, и вовсе не думает, что среди закадычных друзей могут быть и доносчики... Один такой фарс, где Кутузов передразнил самого генерал-фельдмаршала, закончился для него плохо. Румянцев, который, по образному выражению пиита, “молнии дыхнет с губы”, в гневе был страшен. Он изгнал Кутузова из своей армии, и если бы не благожелательность генерал-аншефа Долгорукова, ставшего к тому времени командующим 2-й армией, военная карьера Кутузова могла бы и закончиться. Но Долгоруков, прославленный завоеватель Крыма, взял его к себе штаб-офицером. Кутузов оказался в Крыму, и тут судьба преподнесла ему новую, очень тяжёлое испытание. Турция, после многих разгромов, учинённых ей русскими войсками, подписала 10 июля 1774 года Кючук-Кайнарджийский мирный договор с Россией, по которому, в частности, лишалась Крыма. Потеря эта была столь нестерпимой, что султан, уже после подписания мира, предпринял попытку отбить Крым. В том же месяце под Алуштой был высажен большая турецкий десант, сплошь состоящий из отборных вояк. На пути этого десанта встал Кутузов со своим отрядом. Сражение было ожесточённое и кровавое. Десант был уничтожен весь, но и русские понесли суровые потери. Кутузов “получил рану пулею, которая, ударивши его между глазу и виска, вышла напролёт в том же месте на другой стороне лица”, – писал Долгоруков государыне Екатерине. Смерть была неотвратима. Вообразите себе человека с головой, пробитой пулей от виска до виска... Такие раны и сейчас не лечатся. Но... Кутузов выжил! Он, правда, долго выздоравливал, но случай этот был настолько поразительным, что на него обратила внимание сама императрица, которая с этого момента стала очень благожелательно относиться к Кутузову, предоставила ему годичный отпуск для лечения с сохранением жалованья. Кутузов был награждён орденом Святого Георгия 4-го класса. Нужно заметить, что ордена Святого Георгия (высшего военного ордена России) давались последовательно с 4-го по 1-й класс, и Михаил Илларионович получит все степени этого ордена и высшую степень – за победу над Наполеоном.

Кутузов лечился до лета 1777 года. Ездил в Европу, его обследовали выдающиеся медицинские светила того времени. Все качали головами, никто поверить не мог в такое чудо – выздоровление после столь тяжкого ранения. Он стал европейской знаменитостью, с ним благожелательно беседовали прусский король Фридрих Великий и австрийские фельдмаршалы Лаудон и Ласси. Есть сведения, что в это время Кутузов вступил в масонское общество, впрочем, тогда это было не удивительно – в масонах побывали едва ли не все знаменитые люди Европы и в том числе императоры Пётр I и Павел I, избранный даже Великим магистром Мальтийского ордена. Масонам одно время покровительствовала Екатерина II, но потом охладела к ним, когда увидела, что во главе Великой французской революции стоят масоны. Быть причисленным к масонству означало в то время войти в элитарный клуб наиболее выдающихся людей Европы.

События эти оказали существенное влияние на характер Михаила Кутузова. Он, что называется, утих. Стал более осмотрительным, более покладистым в отношениях с сильными мира сего. Он стал “хитрым”, как не раз называл себя сам. В нём проявились способности ладить с людьми, но не поддаваться чужому влиянию, а быть всегда себе на уме. Он явно вырос.

По возвращению из Европы, в чине полковника он вновь приступил к военной службе. Новоиспечённому полковнику было уже как-то не к лицу оставаться холостым. Кутузов в 1778 году женился на своей давней знакомой с детства Екатерине Ильиничне Бибиковой, которой к тому времени было 24 года, она была уже “засидевшаяся в девках” невеста. Женильба Кутузова на Екатерине Ильиничне была сопряжена с одним пикантным обстоятельством – первый ребёнок у супругов (дочь Прасковья) родился... за 15 месяцев до свадьбы родителей, ещё в 1777 году. Ну, чего не бывало в “галантный” век “матушки” Екатерины, когда на некоторую распущенность нравов смотрели сквозь пальцы! А Михаил Илларионович по молодости вообще был любимцем дам. Это после он стал тяжеловесным и важным фельдмаршалом, впрочем,

по некоторым свидетельствам, до конца дней своих сохранившим страсть к нежному полу. Жену Кутузова это никогда особенно не волновало. В отличие от семейства Суворовых, к примеру, когда Александр Васильевич добился скандального развода, заподозрив супругу в измене.

Десятилетие с 1777-го по 1787 годы было сравнительно мирным для Кутузова. Судьба словно дала ему возможность передохнуть, обзавестись семьёй, наладить свой быт. Одна за другой в семействе Кутузовых рождаются дочери. После вышеупомянутой Прасковьи (которая, кстати, подарила после своим родителям восемь внуков и двух внучек!) рождаются Анна (1782), Елизавета (1783), Екатерина (1787). Впоследствии родятся дочь Дарья и сын Николай, умерший, к несчастью, во младенчестве. Служебная деятельность отца семейства проходит также достаточно мирно и успешно. Он командует резервным Луганским пикинёрным полком (лёгкая кавалерия) и отличается, в основном, на парадах и смотрах. Так, в июле 1787 года Кутузов со своим полком проявил себя пред взором самой государыни Екатерины на смотре под Полтавой, где проходили армейские учения, посвящённые годовщине Полтавской битвы, и где Кутузов заслужил похвалу “всероссийской матушки” и чин генерал-майора. Может быть, “матушка” уж слишком благосклонно смотрела на любезного “моего генерала”, как она назвала тогда Кутузова в одном из частных писем (Михаил Илларионович всегда отличался необыкновенно галантными манерами), потому светлейший князь Григорий Потёмкин, “милый друг” и фактический соправитель государыни в делах “державства и войны”, отправляет той же осенью Кутузова с его полком на вновь открывшийся фронт боевых действий против Турции. Начинаясь новая Русско-турецкая война, и теперь, после присоединения к России Крыма, предстояло отвоевать у Порты важные причерноморские крепости — Кинбурн и Очаков, запиравшие устье Днепра для русского флота. Здесь новоиспечённому генералу Кутузову предстоит вновь поступить под командование Александра Васильевича Суворова — уже прославленного к тому времени полководца, славе которого завидует сам “светлейший” генерал-фельдмаршал Потёмкин.

Кутузов, под общим командованием Суворова, участвует 1 октября 1787 года в страшном и кровавом сражении на Кинбурнской косе с высадившимся крупным десантом турок. Сражение было очень жестоким. Турки сражались с бешеным ожесточением, едва не обратив в бегство русских солдат. Суворов сам бросается в бой и переламывает ход схватки, хотя и ценой тяжёлого ранения. 5-тысячный десант турок уничтожен полностью. Судьба тогда сберегла Кутузова, но до поры до времени. В следующем году предстоит сражение за сильнейшую турецкую крепость Очаков. Русская армия долго стоит под её стенами, и главнокомандующий Потёмкин не решается на штурм, опасаясь тяжёлых потерь. Но потери и без того следуют одна за другой. 18 августа 1788 года, при отражении вылазки турок из крепости, тяжело ранен генерал-майор Кутузов. Австрийский принц де Линь писал императору Иосифу II: “Этот генерал опять получил рану в голову, и если не нынче, то, верно, завтра умрёт”.

Но Кутузов не умер... Главный хирург русской армии Массо был настолько потрясён таким невероятным событием, что ударился даже в философические пророчества, что так не свойственно людям этой трезвой профессии. Он заметил: “Должно полагать, что судьба назначает Кутузова к чему-нибудь великому, ибо он остался жив после двух ран, смертельных по всем правилам медицинской науки”. Самое поразительное, что выздоровел Кутузов после второго “смертельного” ранения очень быстро — через шесть месяцев он был в строю. Уже в наше время выяснилось, что Кутузов даже не потерял зрения на правый глаз, он не был одноглазым, как обычно принято его изображать на портретах — с чёрной повязкой на правой стороне лица. Но дело в том, что, видимо, раны эти не прошли для него даром. Правый глаз его стал отекать, что бывает при глаукоме. Вот эти отёки и беспокоили Кутузова, они несколько перекашивали его лицо, заставляя носить повязку. Впрочем, он это делал не всегда.

Война с турками продолжалась. В начале 1789 года под командование Кутузова был передан Бугский егерский корпус, который вливался в состав войск Суворова, а на них ложатся задачи по нанесению туркам решающих ударов. Впереди был Измаил...

Перед Кутузовым был Измаил, а перед молодым офицером французской армии Наполеоном Бонапартом был Тулон. Да, честолюбивый корсиканец встретил Великую французскую революцию в небольших чинах. В 1784 году он окончил Бриенскую военную школу первым учеником и заслужил право учиться на государственный кошт в Парижской высшей военной школе. Это был прямой путь к блестящей карьере. Да и к хорошему образованию – в Париже будущим офицерам предметы преподавали лучшие учёные знаменитой Королевской академии наук – математик Монж, астроном Лаплас. Точные науки увлекали Наполеона, и он избрал своей военной специальностью артиллерию. Но недолгим было его обучение в Париже, всего год. В начале 1785 года умирает его отец Карло, и многочисленное семейство Бонапарте попадает в трудное положение. Старший брат Наполеона Жозеф оказывается ленивым и неприспособленным наследником отца, таким же впоследствии станет он и королём Испании, на престол которой посадит его младший брат, а сбросят с этого престола отважные испанские партизаны герильяс. Так уж получается, что из всех отпрысков Карло и Летиции деловым и предприимчивым станет только Наполеон, который всю свою жизнь, пока власть пребудет в его руках, будет тащить на себе всю ораву ленивых и бездарных своих сестёр и братьев. Но нужно отдать ему должное, он никогда не уклонялся от исполнения своих родовых обязанностей. Вот и в 16-летнем возрасте, когда, казалось, жизнь уже начала улыбаться ему, он ради интересов семьи бросает престижную Парижскую военную школу и выходит скромным подпоручиком в войска.

Юг Франции. Маленький городок Валанс. Жизнь артиллерийского подпоручика могла бы быть не такой уж тяжёлой, в глухой провинции офицер королевской армии – это не так уж мало. Но Наполеон исправно посылает большую часть своего жалованья матери, а сам не имеет возможности даже купить себе необходимые для продолжения образования книги. Хорошо, местный букинист выдаёт ему бесплатно для чтения тома военных историков и географов, описание путешествий на край света, философские труды Вольтера и Руссо, Рейналя и Мабли. Что мог почерпнуть из них молодой честолюбивый офицер, какую жизненную позицию усвоить для себя? Все эти творцы новой европейской “философии просвещения” сходились в одном – человек выше всего, ему не довлеют никакие авторитеты, в том числе авторитет Бога. Бог – это лишь функция, придуманная для того, чтобы держать в узде плебс. Это, разумеется, необходимая функция, но необязательная для сильной личности. Сильный индивид сам прокладывает себе дорогу, он несёт свет, рассеивающий тьму предрассудков, сам становится Богом, нет преград его несокрушимой воле... Мысли эти в голове Наполеона сеялись на благодатную почву. Но... реальность последних лет королевской Франции была совсем иной. У скромного артиллериста провинциального гарнизона не было никаких надежд выбиться в люди, его судьба – тянуть служебную лямку. Неудивительно, что Наполеон охладевает к службе, берёт годичный отпуск, уезжает на Корсику, занимается наследственными делами, ему удаётся доказать своё право на одно спорное имение, оставшееся от отца... Несомненно, если бы не 1789 год, не революция, так внезапно вспыхнувшая в Париже, мир никогда бы не узнал великого завоевателя Европы. Может быть, из Наполеона получился бы неплохой юрист, он, заодно с новомодными философами, проштудировал как-то учебник римского юстиниановского права, да так, что спустя 15 лет мог целыми главами цитировать чеканные римские дигесты.

Революция разразилась. 14 июля 1789 года пала Бастилия. Королевская власть существовала ещё три года, но безвольный король Людовик XVI был обречён. Анархия постепенно захватывала провинции Франции. Армия бездействовала, не имея конкретных приказов сверху. Наполеон, он уже был капитаном, однажды приказал открыть огонь по мародёрам (это было на его родной Корсике, куда он перевёлся по службе), но сам попал под подозрение властей. Его вызвали для разбирательства в Париж, и здесь он стал невольным свидетелем штурма взбунтовавшейся толпой королевского дворца Тюильри и свержения монархии. Он своими глазами видел дрожащего от страха короля, вышедшего на балкон дворца в красном революционном колпаке, дабы задобрить народ... Наполеон грязно выругался по адресу короля, и его спутник запомнил одну фразу, произнесённую им: “На месте короля я

бы рассеял этих каналов картечью... 500–600 трупов – и всё было бы конечно”. В этом низкорослом, не очень красивом офицере в поношенном мундире бушевали сильные страсти!

На следующий (1793) год ему удастся применить свои артиллерийские способности. В Париже пришли к власти якобинцы, начался революционный террор, а юг Франции был объят пламенем контрреволюционных мятежей. Сильнейшая крепость Тулон была захвачена мятежниками. Английский флот помогал восставшим. Якобинская армия осадила Тулон, но решимости на штурм не было. Неизвестно, слышал ли Наполеон что-то о взятии Измаила русскими войсками в конце 1790 года. Скорее всего – да, это событие прогремело по Европе. Имя генерала Суворова стало популярным во Франции, газеты рассказывали, как в решающий момент штурма, когда одна из наступающих колонн русских, которой командовал некий генерал Кутузов, остановилась под убийственным огнём противника, а сам Кутузов доложил, что не может выполнить боевую задачу, Суворов послал ему приказ с назначением его, Кутузова, на должность коменданта Измаила. Кутузов поднял своих солдат в атаку и... стены Измаила были взяты!

Это запомнилось артиллеристу Наполеону. Он явился к Саличетти – своему земляку с Корсики, который был политическим комиссаром от якобинского парламента в армии, осаждающей Тулон, и предложил свой план решительного штурма. На штурм двинулись несколькими колоннами (как русские на Измаил) после двухдневной ожесточённой артподготовки. В решающий момент, когда колонны под сильнейшим огнём противника остановились, Наполеон сам поднял в атаку свою колонну и захватил господствующую над городом высоту. Дальше в дело вступила его артиллерия... Тулон был взят.

И тут Наполеону улыбнулась ещё одна удача. Штурм Тулона наблюдал Огюстен Робеспьер – младший брат знаменитого лидера якобинцев Максимилиана Робеспьера. Он послал в Париж своему брату подробный доклад обо всём деле и в самых восторженных словах обрисовал действия артиллерийского капитана Наполеона Бонапарта. Эффект был поразительный – в начале следующего 1794 года вождь якобинцев, Неподкупный, как именовали Максимилиана Робеспьера его адепты, добивается для 24-летнего для Наполеона производства в бригадные генералы. Звезда Бонапарта начала свой стремительный взлёт!

В определённом смысле Наполеону везло. Ему повезло ещё раз в 1795 году, когда он, едва не попавший под суд как выдвигенец Робеспьера, уже свергнутого к тому времени контрреволюционным переворотом, познакомился с красавицей Жозефиной Богарне, любовницей самого Барраса – главы правительства (Директории) Франции на тот момент. А Баррасу нужен был генерал, который бы спас его от готовящегося путча роялистов. И Бонапарт согласился сыграть роль палача. В ночь на 5 октября 1795 года (13 вандемьера по календарю республиканской Франции) Бонапарт, назначенный помощником Барраса, приказывает стянуть артиллерию к зданию Конвента. Мятежники густыми толпами бросаются на штурм. В упор гремят пушки Бонапарта... Наполеон сумел осуществить на деле своё желание – смёл картечью полтысячи человек и стал самым известным политиком во Франции – политиком “больших батальонов”, как он любил потом говорить. Далее последовала женитьба на светской львице Жозефине, которая из постели Барраса перешла в постель Бонапарта.

Но прежде чем захватить власть во Франции, Наполеону нужны были победы, и он прямо из-под венца отправляется на итальянский фронт. Отсюда его безумная храбрость – он должен был победить или погибнуть – поражение означало для него политическую смерть. Однажды переступив через кровь, он уже не мог остановиться и всё больше и больше полагался на силу своих пушек и безусловную преданность своих солдат. Преданность солдат можно было приобрести только личным примером. И Наполеон рискует, а возможно, у него действительно атрофируется чувство страха. Некоторые поступки его выглядят безумными. Во время Итальянского похода 1796 года он дважды со знаменем в руках бросается на австрийские пушки – в сражениях при Лоди и Арколе (знаменитый Аркольский мост). Прямыми залпами картечи вокруг него убивают всех – и солдат и адъютантов, на нём же – ни единой царапины. И победы следуют за победами!

Но Наполеон умён. Он прекрасно понимает, что война – это не только романтика сражений, геройство и подвиги. Война – это ещё нажива и часто –

нажива очень большая. “Я поведу вас в самые богатые области света!” — заявляет он своим солдатам перед началом Итальянского похода. И он даёт возможность своим солдатам грабить, и грабить эффективно. Он не возит за своей армией больших обозов с продовольствием и фуражом. “Война сама должна кормить себя!” — самодовольно заявляет он, имея в виду, что всё, что нужно, завоеватели получают с мирного населения завоёванных земель.

Победив Австрию, принеся Франции славу, Наполеон твёрдо решил — он не будет больше одерживать победы для кого-то другого. Он одержал более 60 побед, превзойдя, таким образом, всех известных на то время полководцев мира, был внесён самим Суворовым в тройку самых великих полководцев истории (Ганнибал, Цезарь, Наполеон). Однако, в конце концов, всё-таки уступил на театре войны человеку, который после пятидесятилетнего своего юбилея несколько охладел к грому военной славы, а больше склонялся к дипломатии, к педагогике, да и к довольству придворной жизни, что уж греха таить!

* * *

В последние годы царствования императрицы Екатерины Великой мы застаём генерала Кутузова, награждённого уже тремя степенями ордена Святого Георгия, не на стенах вражеских крепостей, а в дворцовых интерьерах. Он дипломат, подписывающий выгодный для России мир с Турцией, он директор Сухопутного шляхетского кадетского корпуса — самого престижного военного учебного заведения Российской империи — “рассадника великих людей”, как называет его Екатерина. Он закадычный друг “самого” Платона Зубова — последнего и самого могущественного фаворита царицы. Через посредничество Зубова он принят в ближайшем окружении Екатерины, в кругу постоянных застольных друзей. “Ловкий царедворец”, “хитрейший из всех людей” — вот далеко не самые худшие эпитеты, что клеют к нему недоброжелатели. Но одновременно с этим Кутузов ведёт занятия с кадетами своего корпуса, читает им лекции по военному делу, участвует в маневрах войск под Петербургом, выполняет специальные и очень ответственные задания императрицы. Он всегда при деле.

Да и такой ли уж ловкий он царедворец? Отчего же не видно его во дворце в ноябре 1796 года, когда после внезапной кончины Великой Екатерины от инсульта (покойница до конца дней очень любила крепчайший кофе, а о гипертонической болезни тогда мало что знали) все действительно ловкие царедворцы толпой кинулись улаживать наследника престола, нелюбимого Екатериной сына Павла. Канцлер Безбородко тут же выдал Павлу секретный указ Екатерины о назначении новым наследником престола, в обход Павла, его сына, внука Екатерины, Александра, за что был озолочён Павлом. Павел на радостях осыпал наградами ловких царедворцев, но безжалостно выгонял из армии заслуженных офицеров и даже прославленных военачальников. Так, были уволены фельдмаршалы Румянцев и Суворов, 333 генерала и более двух тысяч офицеров. Но Кутузов остался. Он ведь был уже заслуженный дипломат, и Павел не мог обойтись без таких людей, ведь надо было поддерживать своё реноме в Европе, а Кутузов, знавший почти все европейские языки, бывший “умнейшим, тончайшим, просвещёнейшим и любезнейшим человеком”, как отзывались о нём современники, становился здесь незаменимым.

Постепенно Кутузов вновь оказывается в фаворе при дворе “сумасбродного” императора, как втихомолку именуют Павла аристократы. А Павел, хотя и обладал непредсказуемым характером, но глупцом не был и многое в европейской политике понимал тоньше и глубже, чем окружающие его “екатерининские вельможи”. Так, довольно рано он понял, что в той разгорающейся в Европе борьбе с Наполеоном и послереволюционной Францией России отведена роль рабочей лошадки, пушечного мяса к вящей славе австрийских фельдмаршалов и английских лордов. Это очень явно проявилось летом 1799 года, когда победоносная армия Суворова напрочь разгромила французские войска, занимавшие Северную Италию после побед Наполеона двухгодичной давности, а в решающем сражении при Нови погиб сам командующий французской армией молодой и очень перспективный генерал Жубер. Возможно, что эта смерть, в перспективе, расчистила Наполеону путь

к власти. На генерала Жубера Директория делала большую ставку, надеясь противопоставить его в политической борьбе за власть уж слишком усиливающемуся Бонапарту. Но... Жубер столкнулся с Суворовым, и этим, как говорится, всё сказано. После его гибели французскую армию возглавил опытейший генерал Моро, но и он не смог устоять перед натиском суворовских "чудо-богатырей". Французы в Италии были разгромлены, и теперь Суворов планировал поход на Париж (через Южные Альпы и Лион), но он не мог осуществить этот смелый замысел без реальной помощи австрийских союзников, а в этой помощи ему было отказано.

А окончательная победа была так реальна! Русский флот под командованием Ушакова только что захватил Ионические острова с сильнейшей французской крепостью на острове Корфу, десанты русских войск были высажены в Южной Италии, при участии отряда русских моряков освобождён от французов Рим!.. Сам Бонапарт в это время находился в Египте и безнадежно застрял там, так как не смог взять турецкую крепость Акру в Палестине. Турки сражались ожесточенно, только что в городке Яффа сильный турецкий гарнизон сдался войскам Бонапарта под обещание французов сохранить им жизнь. Но генерал Бонапарт, которому некуда было девать пленных, приказывает расстрелять их всех. Несколько тысяч человек были убиты французами на берегу Средиземного моря... "Корсиканский людоед"!

Суворов, лишённый поддержки австрийцев, вынужден был осенью того же года со всей своей армией пробиваться по ледяным высокогорным дорогам Альп, надеясь соединиться в Швейцарии с русским корпусом генерала Римского-Корсакова, располагавшимся в Северной Швейцарии, так как на помощь австрийцев рассчитывать было уже невозможно. Но пока он пробиравался через Чёртов мост и Сен-Готард, корпус Римского-Корсакова, так же оставленный без помощи союзниками, был разбит французской армией генерала Массены. Сам Суворов чудом провёл свою армию через высокогорный хребет Паникс и сумел уйти от преследования французов.

Все эти обстоятельства вызвали резкую реакцию императора Павла в отношении австрийских союзников, да и всех союзников по антифранцузской коалиции вообще. Он рассорился и с австрийцами, и с англичанами и теперь искал союза с Первым консулом Французской республики (так теперь именовался генерал Бонапарт, только что, по возвращении осенью 1799 года из Египта, разогнавший парламент Франции и Директорию и фактически ставший единоличным правителем в ранге Первого консула). И налаживать эти союзнические отношения с Бонапартом привелось Кутузову. Он был назначен Литовским губернатором и должен был формировать войска, которые теперь уже направлялись в Европу не для борьбы с Наполеоном, а как раз напротив – в помощь ему против англичан. Впрочем, у Наполеона были самые широкие планы. Войск для высадки в Англии ему бы хватило и своих, а вот завоёвывать Индию – колонию Британской короны, такое право было предоставлено русским. "Император просто не в своём уме", – писал о Павле английский посол в Санкт-Петербурге Уитворт в феврале 1800 года. Поневоле с этим приходится согласиться, если учесть, что Павел реально стал собирать армию для фантастического похода на Индию. Командовать этой армией было поручено Кутузову. Головной корпус под командованием Донского войскового атамана Платова в январе 1801 года выступил из Оренбурга в направлении на Хиву. Сам Кутузов заслужил высочайшую оценку как военачальник у императора. В преддверии большой войны по завоеванию британской колонии Индии в Гатчине, под Петербургом, в сентябре 1800 года были устроены большие маневры, на которых блистали петербургский генерал-губернатор граф Пален и теперь уже генерал-аншеф Кутузов. Кутузову удалось продемонстрировать свою воинскую хитрость. Император увидел, что Кутузов со своим штабом стоит в отдалении от своих войск. Он вознамерился воспользоваться его оплошностью и "взять его в плен". Но... как только он приблизился со своей свитой к Кутузову, неведь откуда появились солдаты Кутузова, и император сам был "взят в плен". Всё это вызвало восхищение у Павла, от тотчас же наградил полководца высшим орденом Российской империи – орденом Андрея Первозванного!

Сейчас трудно сказать, как на самом деле относился Кутузов к императору Павлу. Но то, что он вошёл в круг ближайших друзей царя – это несомненно. Может быть, тут Кутузову помогло его масонство, ведь он достиг в масон-

ских кругах высоких степеней посвящения и был отмечен особым отличием масонов — знаком “Зеленеющий лавр”. Сам Павел, как Великий магистр Мальтийского ордена, активно покровительствовал масонам. Но ведь и масоны бывали разные. Заговорщики, убившие Павла в марте 1801 года, тоже были масонами и пользовались покровительством английских лож. Сам заговор, организованный генерал-губернатором Петербурга Паленом, имел свои корни в английском посольстве, да и не удивительно — успех заговора обеспечивал раскол русско-французского союза и отмену удара по Индии со стороны России.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что Кутузов не участвовал в заговоре, но, несомненно, знал о нём. Впрочем, так же как знал о заговоре и сам император Павел... Накануне убийства, вечером 11 марта 1801 года, император давал в новопостроенном Михайловском замке, где он уже месяц постоянно проживал, свой прощальный, как теперь мы знаем, ужин. Присутствовали только царская семья и ближайшие друзья императора, в том числе и Кутузов со своей старшей дочерью Прасковьей, придворной фрейлиной. По словам самого Кутузова, он имел долгий разговор с императором. О чём?... Точно это неизвестно, но только в конце этого разговора Павел вдруг проронил загадочную фразу: “На тот свет иттить — не котомки шить”. Это было сказано Кутузову. Перед этим император поднимал тост за столом, обращённый к своему старшему сыну Александру: “За исполнение всех ваших желаний!” Все эти странные поступки Павла говорят только об одном — он знал о готовящемся заговоре, но не стал вооружённой рукой пресекать заговорщиков, ведь в заговоре был и его старший сын, наследник престола Александр Павлович. Пресекая заговор, ему пришлось бы арестовать и упечь в темницу своего сына, да, может быть, и других родственников. А он не хотел повторять историю своего прадеда Петра Великого, вынужденного, как известно, по подозрению в заговоре казнить своего сына царевича Алексея и навек остаться в истории с тавром “сыноубийцы”... Несмотря на всё своё самодурство, Павел любил своих детей, и единственное, что он предпринял — это, видимо, попросил генерала Кутузова поговорить с Александром, убедить его отменить заговор. Закончить всё дело тихо, без огласки. Тут-то и прозвучала в устах Павла эта таинственная фраза о том свете и котомках...

Александр, как известно, дал согласие заговорщикам принять престол, но лишь только после отречения императора Павла, и настаивал на сохранении жизни отца. И Кутузов был уверен в этом, но... Пружины заговора были приведены в действие. Заговорщики во главе с Паленом, Беннигсеном, братьями Zubovыми ворвались в опочивальню, и император Павел был задушен. После было объявлено об апоплексическом ударе... Как свидетельствуют источники — Михаил Илларионович Кутузов после этой трагической истории ушёл в тень, он отдалился от двора и старался не привлекать к себе внимания нового царя и его любимцев.

Но Александр хотел найти опору в людях, которым доверял его отец. Он снова приблизил к себе небезызвестного Аракчеева, который был “без лести предан” Павлу, он искал дружбы Кутузова. Михаил Илларионович в июне 1801 года получил должность петербургского генерал-губернатора. А через год — лишился этой должности и был отправлен в отставку. Причина — якобы “за болезнь”, но дело тут в другом. Кутузов ещё раз поменялся. Когда-то боевой генерал, безумно храбрый на поле офицер, он стал “ловким царедворцем”, даже, может быть, слишком угодливым перед властелинами. Но он пережил смерть двух своих кумиров — императрицы Екатерины и её сына императора Павла, был разочарован в лучших своих чувствах к наследнику престола Александру. И он больше не хотел участвовать в этой игре. Он предпочёл частную жизнь. Явно пренебрегал обязанностями губернатора, вызвал неудовольствие императора Александра и был отправлен в чаемую, как видно по всему, отставку.

Уезжая в своё имение Горошки на Волыни, Михаил Илларионович полагал, должно быть, что теперь ему остаётся лишь вспоминать на досуге о славных своих делах, да в мирных трудах по хозяйству встретить старость... Два года он отдыхал, но грозные бури, шедшие из Франции, вновь призвали его в строй.

Франция была уже фактически новой страной. Первому консулу Французской республики, а позже — императору Наполеону Бонапарту удалось преобразить государство. Здесь раскрылся весь политический гений этого необыкновенного человека. Когда он вернулся на родину осенью 1799 года из Египта, он застал Францию в бедственном положении. Французские генералы проиграли Суворову войну в Северной Италии. На других фронтах было не лучше. На западе бушевали контрреволюционные мятежи, вандейские повстанцы взяли Нант. Казна государства была пуста, везде в государственных учреждениях процветало казнокрадство и взяточничество. На фоне роскошной жизни олигархов и министров-директоров нужда народа была ужасающей. Военным не платили жалованье. На дорогах господствовали разбойники. Народ роптал, вновь поднимали голову якобинцы. Надо было что-то делать. Наполеон, получивший должность командующего парижским гарнизоном, решил произвести переворот. Он сплотил вокруг себя кучку наиболее преданных ему военных, среди них был муж его сестры кавалерист Мюрат и другие офицеры, которых Наполеон сделал впоследствии маршалами. Он заручился согласием некоторых членов Директории, в частности, знаменитого Карно, которому пообещал чин консула Франции, привлёк на свою сторону министра иностранных дел Талейрана, известного своей пронырливостью, и бывшего якобинца, безжалостного террориста Фуше — его Наполеон сделает министром полиции в своём правительстве. Такие разные люди будут служить Бонапарту и за страх, и на совесть!

18–19 брюмера (9–10 ноября 1799 года) переворот осуществился. Парламент Франции (так называемый Совет Пятисот) был, под угрозой готовящегося якобы роялистского мятежа, выведен из Парижа в небольшое местечко Сен-Клу, где в бывшем загородном королевском дворце должна была пройти чрезвычайная сессия. В это время в самом Париже войсками парижского гарнизона была разогнана Директория. Разогнана без сопротивления, глава правительства, дрожащий от страха Баррас тут же согласился удалиться навсегда в своё имение. Только полная покорность и спасла ему жизнь. Разогнав правительство, генерал Бонапарт двинулся с войсками в Сен-Клу, где попытался, войдя в зал собрания Совета Пятисот, уговорить депутатов разойтись мирно и передать всю власть ему. Депутаты набросились на путчиста с кулаками, и Наполеон еле ушёл живым из зала. Говорят, он даже испытал лёгкий обморок. Во всяком случае, до конца своих дней он будет всем сердцем ненавидеть всякое проявление “демократии”, всё, что связано с республиканской, парламентской формой правления. Он будет запрещать издание книг и исторических трактатов по истории Республики во Франции с очень характерной формулировкой: “за пробуждение тягостных воспоминаний”. В этом, несомненно, звучит нечто личное, что останется раной в душе самовластца, который ведь без страха бросался на австрийские пушки, но спасовал перед сборищем разъярённых депутатов.

И тут раздался крик Мюрата, обращённый к своим солдатам: “А ну, друзья, разгоните-ка мне всю эту сволочь!” Солдаты, увидев, в каком жалком состоянии находится их “маленький капрал”, как они дружески называли своего кумира Наполеона, неистово ринулись на штурм парламента. Ворвавшись в зал, они прикладами начали избивать и выгонять депутатов. Депутаты в ужасе бросились к дверям, некоторые выпрыгивали из окон... Французская республика, так горделиво начавшаяся когда-то на стенах поверженной Бастилии, позорно и нелепо закончилась.

Наполеон после разгона парламента был угрюм и не проронил ни слова, возвращаясь в Париж.

Надо отдать ему должное! Сразу после захвата власти он не почил на лаврах, а, засучив рукава, взялся за неотложные дела. Прежде всего, железной рукой был наведён порядок на дорогах. В провинции были отправлены войска, которые с предельной жестокостью начали расправляться с разбойниками и бандитами всех мастей. Можно сказать, по всей Франции проходила операция “Ликвидация”. Ликвидировались не только уголовные элементы, но и продажные чиновники, взяточники и коррупционеры. Во все департаменты Франции были назначены особые государственные уполномоченные — префекты, подчинявшиеся только лично главе государства — Первому консу-

лу, то есть Наполеону. Всякие выборные органы даже на местах ликвидировались. Префекты сами назначали мэров городов и всю местную власть, вплоть до сельских старост. Жёсткая вертикаль власти была Наполеоном выстроена образцово. К весне следующего 1800 года была введена в действие новая Конституция, она закрепила достижения Великой Французской революции в части окончательного слома всех феодальных отношений, ликвидации сословий, узаконила права собственности новых владельцев на землю и имущество, отнятое у бывших феодалов, что сразу привлекло на сторону Первого консула миллионы французских крестьян, разделивших имения и земли бывших помещиков. Это создало крепкую социальную базу бонапартистской диктатуры, позволило Наполеону все 15 лет его правления набирать и набирать всё новых и новых солдат-новобранцев из неисчерпаемой крестьянской Франции, которые шли сражаться за Наполеона не за страх, а за совесть, а лучше сказать – за своё имущество, которое могло ведь вернуться в руки бывших хозяев-крепостников, если бы наполеоновское государство потерпело поражение.

Ну, а солдаты наполеоновской армии всегда видели перед собой пример своих товарищей, которые из рядовых вдруг выходили в маршалы! Ведь их “маленький капрал”, обладая феноменальной памятью, запоминал всякого отличившегося на поле боя солдата и давал ему дорогу наверх.

Французской промышленной буржуазии были обещаны новые неисчерпаемые рынки сбыта их товаров за счёт устранения с завоёванных территорий конкурентов, прежде всего – англичан. На рабочих накладывалась жёсткая узда административного надзора, они становились своего рода мобилизованными солдатами трудового фронта. Но в этом было и преимущество – солдатам ведь должно исправно выплачиваться жалованье. А что ещё нужно работе?.. Война и военное отношение ко всем проявлениям государственной жизни пронизывало наполеоновскую Францию. В Европе утверждалась невиданная ещё по мощи и сплочённости военная монархия, всё существование которой было направлено только на одно – завоевания и ещё раз завоевания!

Границ у этой монархии не было. Граница, даже официально, была признана “движущейся”. Куда доходили наполеоновские войска, туда и распространялась территориально новая империя. Да, именно империя! Ведь в 1804 году Бонапарт, как итог всех своих преобразований, не только ввёл в действие новый Гражданский кодекс (который и до сих пор именуют Наполеоновским кодексом и который лежит в основе всего и ныне действующего законодательства капиталистического мира), но покончил, наконец, даже формально, со всяким республиканством и провозгласил себя императором французов! В Париж, в приказном порядке, был вызван римский папа Пий VII, который подал на коронации, которая состоялась в парижском соборе Нотр-Дам 4 декабря 1804 года, Наполеону императорскую корону, но Бонапарт вырвал её из рук духовного владыки и сам водрузил её себе на голову! Он не признавал над собой ничьей, даже духовной власти и верил лишь только в свою собственную звезду, ведущую его от победы к победе. Кстати, о религиозных пристрастиях этого загадочного корсиканца мы не знаем ничего, но можно предположить, что в голове диктатора сложился странный фантастический культ собственной личности, культ своей непобедимости, о чём говорят слова Наполеона, сказанные им как-то накануне похода в Россию: “Через год я стану повелителем мира, остаётся одна Россия, но я раздавлю её”. С этими мыслями Наполеон двинулся на Восток, но здесь ему пришлось столкнуться с Михаилом Илларионовичем Кутузовым, “хитрейшим из всех людей”...

* * *

Собственно, с Кутузовым Наполеон столкнулся на поле боя ещё в 1805 году, когда вновь образованная (уже третья по счёту) антифранцузская коалиция начала активные боевые действия против новоявленного “похитителя престолов”, как называли Наполеона тогда, имея в виду, что Наполеон не только присвоил себе французскую корону, но также и корону Италии, провозгласив себя и итальянским королём. Однако правильнее было бы сказать, что это Наполеон начал боевые действия против союзников по коалиции. В манере

Бонапарта никогда не было свойства ожидать противника, он всегда нападал первым, давно усвоив себе известную суворовскую мысль, что “лучшая оборона – это нападение”. Несомненно, что и другая мысль русского полководца признавалась Наполеоном: “Удивишь противника – победишь его”. Вот Наполеон и удивлял. Ни австрийские, ни русские полководцы (главные участники коалиции) не ожидали того, что Наполеон вдруг подымет лагерь своих войск под Булонью, на берегу Ла-Манша, где он вот уже почти год накапливал силы для десанта в Англию, и бросит эту свою засидевшуюся армию в Австрию, навстречу силам союзников, которые неторопливо развёртывались на дунайской равнине, не предполагая такого быстрого появления Наполеона. А он, разделив свою армию на семь корпусов, поставив во главе каждого корпуса маршала, удивительно быстро провёл войска осенними дорогами от Ла-Манша до южногерманского города Ульма, где застал врасплох передовую австрийскую армию генерала Мака и разгромил её.

Это произошло 15 октября 1805 года, а дальше события начали развиваться с калейдоскопической быстротой. 21 октября английский флот адмирала Горация Нельсона топит в Трафальгарской морской битве соединённый франко-испанский флот Наполеона. Мечта о высадке в Англию остаётся лишь мечтой. Наполеону теперь нужно только побеждать союзников, иначе всей его новоявленной империи – конец. И он бешеными маршами идёт к Вене, захватывает столицу Австрийской империи. Дальше – открыта дорога к Ольмоцу (на территории нынешней Чехии), где сосредотачиваются остатки австрийской армии и подошедшие русские войска, которые ведёт в бой сам император Александр I.

Кутузов предупреждал и советовал Александру не ввязываться в сражение, отступить дальше на север. В этом был смысл – объединённая русско-австрийская армия не намного превышала по численности “Великую армию” Наполеона, зато армия Наполеона была намного боеспособней рыхлой коалиционной армии, она летела на крыльях побед! Смысл был и в том, чтобы подождать вступления в войну на стороне коалиции Пруссии, ведь сам русский император Александр приложил немало усилий, чтобы склонить прусского короля Фридриха Вильгельма III к войне с Францией, ему пришлось даже клясться на гробе Фридриха Великого (заклятого врага России) в вечной дружбе с Прусской монархией!..

Так стоило ли теперь бросаться очертя голову на сильнейшего врага, не сплотив ещё всех сил коалиции?.. Такие и другие доводы приводил старый и многоопытный русский генерал Кутузов (ему тогда исполнилось уже 60 лет) молодому, честолюбивому императору. Всё напрасно... Войска коалиции, находившиеся на невыгоднейших тактических позициях, фактически полуокружённые армией Наполеона, сами полезли головой в мешок – в небольшую долину Аустерлица (ныне город Славков в Чехии), теснимую вокруг высокими холмами, на которых сосредотачивались корпуса лучших наполеоновских маршалов – Даву, Мюрата, Сульта, Ланна, Нея. Французская армия располагала и прекрасной артиллерией, ей Наполеон придавал особое значение. И вот – на рассвете 2 декабря 1805 года император Наполеон взглянув на только ещё восходящее солнце, воскликнул: “Вот оно, солнце победы!” Загремели орудия, и французские корпуса всей своей мощью обрушились на теснившиеся внизу в долине русские и австрийские части.

Наверно, вспомнил Александр советы Кутузова, да было уже поздно... Надо отдать должное императору, он никогда после не говорил, что это Кутузов проиграл сражение, молчаливо признавая свою вину за всё произошедшее, но один раз заметил, что Кутузов “недостаточно настойчиво” советовал ему не ввязываться в бой. А Михаил Илларионович к тому времени, действительно, иногда производил на окружающих странное впечатление. В решающий момент споров он мог как-то замкнуться, что называется – уйти в тень, в себя, даже прикинуться спящим... что, кстати, хорошо показано Львом Толстым на страницах его знаменитого романа. Объяснить это можно и недомоганием Кутузова в силу известных его тяжёлых ран, и свойствами характера, но можно, к примеру, высказать предположение об определённом фатализме, развившемся в натуре Михаила Илларионовича после всех потрясений его обыкновенной жизни. Возникает ощущение, что умудрённый опытный полководец как бы заранее предвидел ход событий и не предпринимал лишних усилий для того, чтобы изменить их, уже наперёд зная, чем всё это закончится...

Обычно говорят о полном разгроме русско-австрийских войск под Аустерлицем, но если бы не было решительного и мужественного сопротивления отдельных частей русской армии, если бы не полёг весь конногвардейский полк русской гвардии, ринувшийся в безумную атаку на наступавшую кавалерию Мюрата и спасший, таким образом, императора Александра от позорного плена, если бы не умелое командование Кутузовым отступавшими, почти уже бежавшими частями разбитой армии, победа Наполеона могла бы быть действительно полной и окончательной. Но армию, пусть и разбитую, Кутузову удалось сохранить, и Наполеон в результате согласился на мир, на тот самый мир, который он будет потом, в 1812 году, вымаливать у Кутузова в Тарутинском лагере под стенами Москвы, и который тогда ему Кутузов не даст!

Признанием заслуг Кутузова в деле спасения русской армии после поражения под Аустерлицем было награждение его орденом Св. Владимира I степени, что произошло в начале следующего 1806 года. Но далее император Александр отставил Кутузова от командования войсками, ведущими войну с Наполеоном, а войны такие продолжались. После недолгого перемирия и распада 3-й антифранцузской коалиции составила новая четвёртая, теперь уже в составе Пруссии и России, но и здесь союзников ждало тяжёлое поражение. Сначала Наполеон разгромил Прусское королевство в двух генеральных сражениях, произошедших в один и тот же день – 14 октября 1806 года между городами Йена и Ауэрштедт (интересно, что Наполеон разделил свою армию на две – выделив корпус маршала Даву, который действовал самостоятельно; и в то время, когда император громил немцев под Йеной, Даву разгромил другую их армию под Ауэрштедтом. Даву вообще становился, можно так сказать, первым маршалом Наполеона, которому император часто поручал особые задачи (мы это увидим в истории войны 1812 года). Русская армия опоздала на помощь немцам. Отчасти это произошло из-за отсутствия достойного командования. После отставки Кутузова император Александр долго колебался – кого назначить главнокомандующим в войне с Наполеоном. Назначил старого и заслуженного фельдмаршала Михаила Федотовича Каменского, “екатерининского орла”, но Михаил Федотович, как оказалось, уже впадал в маразм. Он прибыл в войска, увидел, что Наполеон силён, его объяла старческая немощь, он растерялся, бросил армию, приказав ей перед своим бегством “отступить, кто как может, в пределы России”, то есть фактически бежать. Генерал от кавалерии Леонтий Леонтьевич Беннигсен (тот самый, один из убийц Павла I), возглавивший армию после бегства Каменского, вначале не без успеха сдерживал Наполеона в пределах Польши, даже рапортовал в Петербург, что он “победил” Наполеона в реально ничейно закончившемся сражении под Прейсиш-Эйлау 8 февраля 1807 года (Восточная Пруссия), за что немедленно был отмечен высшим орденом Андрея Первозванного, но уже 14 июня того же года был напрочь разгромлен Наполеоном в сражении под Фридландом. Создавалось впечатление, что у русского императора не было полководцев, способных воевать с “военным гением” Наполеоном...

Кутузов в это время занимал должность киевского военного губернатора, и взор его был больше обращён на юг – к пределам Оттоманской Порты, где разворачивались нештучные события. Дело в том, что Турция, хотя и сильно ослабленная в неудачных войнах с Россией, играла, тем не менее, роль разменной карты в делах европейской политики. И Наполеон, и Россия старались как можно выгоднее для себя разыграть эту карту. В Константинополе у султана сидел французский посол Латур-Мобур и всеми силами внушал турецкому владыке мысль о продолжении войны с Россией. Ведь после окончательного сокрушения Наполеоном этого “колосса на глиняных ногах”, как выражался Наполеон о Российской империи (вот из чьих уст идёт это выражение!), “Франция вернёт Турции завоёванные Россией территории”.

Требовалась решительная победа над турками для обеспечения мира на юге, в преддверии неизбежно накатывающегося на Россию страшного нашествия. С мая 1811 года Кутузов вновь командующий армией, ведущей сражения с турками на равнинах Молдавии и Валахии. Русские войска к тому времени заняли сильную крепость Рущук на правом, южном берегу Дуная в Болгарии. Но войск у Кутузова было мало – 15 тысяч бойцов, а к Рущуку приближалась 60-тысячная армия великого визиря Ахмед Решид-паши, по стечению обстоятельств давнего знакомого Кутузова – он бивал его ещё летом 1791 года в сражении под Бабадагом в Румынии, а после встретил его в Константи-

нополе, когда в ранге посла вёл дипломатические переговоры с султаном. Они поддерживали дружеские отношения, Кутузов даже поздравил своего «благороднейшего и прославнейшего друга» с назначением на пост великого визиря. Впрочем... чтобы тут же разгромить его на поле боя. Кутузов обвёл вокруг пальца несчастного турка, и притом ко всеобщему удовлетворению. Пока великий визирь Ахмед с радостью наблюдал «поспешное бегство» малочисленной армии Кутузова из Рушук на левый, северный берег Дуная, а потом переправлял сам свою армию туда же, чтобы окончательно разгромить русских, Кутузов переправил в другом месте на южный берег реки корпус генерала Маркова, который неожиданной атакой разгромил лагерь турецких войск под Рушук. Армия же самого Решид-паши оказалась в кольце окружения на северном берегу под Слободзеей, где вскоре и сдалась вся в плен Кутузову. Сам великий визирь на лодке, почти в одиночестве ночью бежал через Дунай, чем сам Кутузов был очень доволен, так как, по его словам: «... будет хоть кому известить султана о положении, в котором оказалась его армия». Как всё это похоже на то, что произойдёт через полтора года с Наполеоном, когда он, почти в одиночестве, в санках, лютой зимой в декабре 1812 года, бросивший свою армию, как и незадачливый Решид-паша, будет бежать от Кутузова через замёрзший Неман.

А пока в течение 1811–1812 годов «император Запада» спешно собирает невиданную по численности силу, своего рода «непобедимую армаду», дабы «раздавить Россию» раз и навсегда. На этот раз он отказался от чисто французской армии, задумав всеевропейское ополчение, куда должны войти войска Франции, в состав которой уже включены Бельгия и Голландия, Пьемонт и часть Германии, Рейнского союза германских государств, Итальянской и Неаполитанской королевств, вновь образованного Наполеоном из части польских земель Варшавского герцогства, а также войска Пруссии и Австрийской империи, заключившие союз с Наполеоном. А ещё войска испанского короля Жозефа, старшего брата Наполеона, который терпел неудачи в это время от англичан, высадивших свою армию в Испании, и от испанских партизан, но безропотно послал на Россию корпус наваррских стрелков, подчиняясь воле своего державного брата. Армия вестфальского короля Жерома – младшего брата Наполеона – тоже была мобилизована для этой войны. Вся объединённая континентальная Европа надвигалась на Россию. Лишь Англия продолжала войну с Наполеоном, но это и был хороший предлог для Наполеона начать войну, поскольку Россия не хотела соблюдать условия континентальной блокады против Англии, навязанные ей Тильзитским мирным договором, заключённым Россией с Францией в тяжёлом для России 1807 году.

Континентальная блокада разоряла русскую торговлю, ведь Англия была крупнейшим покупателем русского хлеба, всяческого сырья и поставщиком промышленных товаров на русский рынок. Вся колониальная торговля была в руках англичан, а значит, товары из-за моря не поступали в Россию, поскольку Россия обязывалась Наполеону не допускать английские корабли или корабли, везущие английские товары, в российские порты. Положение стало тем более невыносимым, что сама Франция, как стало известно, приобретает-таки эти необходимые ей товары в обход своей же Континентальной системы.

Но, несмотря на все эти унижения, правительство Александра I не хотело войны с Наполеоном. Уж слишком силён был противник! Общая численность войск наполеоновской империи равнялась миллиону солдат. Наполеон Бонапарт мог двинуть на Россию 600-тысячную армию. Реально он сосредоточил на Немане к лету 1812 года более 400 тысяч человек.

Чтобы не быть голословным, я приведу данные, которыми оперирует такой известный историк, как Тарле, в своём знаменитом труде «Нашествие Наполеона на Россию».

«В главных силах Наполеона числилось около 380 тысяч человек, на обоих флангах (у Макдональда на северном, рижском, направлении и у Шварценберга на южном) – в общей сложности 60–65 тысяч. Затем, в течение июля и августа, на русскую территорию было переброшено ещё около 55 тысяч человек, наконец, уже в разгаре войны, ещё корпус маршала Виктора (30 тысяч человек) и для пополнения потерь маршевые батальоны (около 70 тысяч человек)».

Итак, суммируя все эти цифры, мы получаем численность армии, которая реально воевала на русской территории – 600 тысяч человек. Из них в пер-

вом эшелоне вторжения — 445 тысяч человек. Основные силы Наполеона — 380 тысяч на главном направлении — на Вильно, где находилась ставка верховного русского командования, куда ещё в мае 1812 года прибыл император Александр I. В общем, можно с уверенностью утверждать, что Наполеон выставил против России всё, что мог, максимум возможного для того времени. Он всё поставил на карту для завоевания мирового господства, а таковое он мог получить, только сокрушив Россию.

А каковы же были силы русских?.. Совершенно определённые данные мы находим в труде известного немецкого военного теоретика Клаузевица, присутствовавшего в то время в русской армии в качестве штабного офицера. Он, как и многие немецкие офицеры, не пожелавшие служить Наполеону после разгрома Пруссии в 1807 году, перебрался в Россию. Вместе с русской армией он прошёл весь тяжёлый путь отступления до Москвы, был под Бородино. Его свидетельствам можно доверять как свидетельствам беспристрастного очевидца, и лишь в одном месте мы поспорим с ним, но об этом позднее. Клаузевиц, как офицер работающий при штабе 1-й Армии под командованием Баркляя-де-Толли, располагал точными цифрами количества русских военных сил. Вот что он показывает: “На границе Польши и Пруссии стояло 180 000 солдат. По Двине и Днепру запасных батальонов и новых формирований — 30 000. В Финляндии — 20 000. В Молдавии — 60 000. На восточной границе — 30 000. Внутри страны новых формирований и запасных частей — 50 000. Гарнизоны — 50 000. Итого — 420 000”.

И это все военные силы России на тот момент! На западной границе, таким образом, более чем 400-тысячной армии вторжения противостояло более чем в два раза меньшее количество русских войск, да и то они были разбиты на две армии: 1-ю и 2-ю под командованием, соответственно, Баркляя-де-Толли (на тот момент военного министра России) и генерала Багратиона. Была ещё 3-я армия Торماسова, прикрывавшая киевское направление, но она осталась в стороне от главных сражений. Общего командования не было. Роль главнокомандующего выполнял сам император Александр, но мы-то знаем, какой из него полководец..

А вот Михаилу Илларионовичу Кутузову удалось буквально накануне открытия военных действий на западе принести России огромный успех. 16 (28 — нов. ст.) мая 1812 года был подписан в Бухаресте мирный договор между Россией и Турцией, по которому к России отходила Бессарабия (территория между Днестром, Дунаем и Прутом) вместе с крепостью Измаил в устье Дуная. Таким образом, Кутузов смог второй раз и окончательно (на тот исторический период) “взять Измаил” у турок. Успех был тем более важный, что освобождалась большая Южная армия, но она смогла принять участие в борьбе с Наполеоном лишь на заключительном этапе войны. Есть свидетельства, что Наполеон был вне себя от этого успеха Кутузова, он ведь сильно рассчитывал на помощь турок. Но все рычаги войны были уже приведены в действие. На рассвете 12 (24 — нов. ст.) июня 1812 года “Великая армия” Наполеона начала переправу через Неман по трём наведённым мостам. Переправа продолжалась четыре дня. Четыре дня бесконечным потоком шли и шли на русскую землю иноземные полки, воодушевлённые словами Наполеона из его объявленного в войсках манифеста: “Солдаты, вторая польская война начата. Первая кончилась во Фридланде и Тильзите. В Тильзите Россия поклялась в вечном союзе с Францией и клялась вести войну с Англией. Она теперь нарушает свою клятву. Она не хочет дать никакого объяснения своего странного поведения, пока французские орлы не удалятся обратно через Рейн, оставляя на её волю наших союзников. Рок влечет за собой Россию, её судьбы должны совершиться. Считает ли она нас уже выродившимися? Разве мы уже не аустерлицкие солдаты? Она нас ставит перед выбором: бесчестие или война. Выбор не может вызвать сомнений. Итак, пойдем вперед, перейдём через Неман, внесём войну на её территорию. Вторая польская война будет славной для французского оружия, как и первая. Но мир, который мы заключим, будет обеспечен и положит конец губительному влиянию, которое Россия уже 50 лет оказывает на дела Европы”.

В этом странном и путаном манифесте поражают два момента: если Наполеон считал, что Россия “...уже 50 лет оказывает губительное влияние на дела Европы”, значит, можно считать, что губительное это влияние началось в начале 60-х годов XVIII века, то есть именно тогда, когда шла борьба в Польше

с Барской конфедерацией польских магнатов, которой активно помогала Франция. Австрия же и Пруссия, к примеру, только выиграли от сокрушения Польши, но, видимо, их Наполеон “Европой” не считал. Получается, Европой он признавал только Францию и Польшу. Совершенно явный реверанс в сторону своих польских союзников – тех корпусов польского маршала Понятовского, которые слепо шли за Наполеоном на Москву. Далее, в этом манифесте видна невооружённым глазом какая-то странная трусость французского завоевателя, его попытка переложить вину за начало войны на Россию, на то, что она не соблюдает условия Тильзитского договора. Для этого нужно её наказать, она, видите ли, не “объяснила своего странного поведения”. Для этих объяснений и собиралось, видимо, всеевропейское воинство?.. В глубине души Наполеон чувствовал, что ведёт скверную игру, но ничего уже сделать не мог, он сам стал заложником своей политики, он, а не Россия “увлекался роком”. В бездну.

И завоевание России – после всей Европы – было здесь лишь только первой целью. А какова же была окончательная цель Наполеона? Цель эта была обозначена давно. Может быть, ещё в то время, когда флот Наполеона только приближался к берегам Египта в 1799 году. Индия... Да, лавры Александра Македонского прельщали без меры честолюбивого корсиканца, и здесь был не просто политический и торговый спор с Великобританией ради выгод французской буржуазии, нет, здесь была, по-моему, даже какая-то сакральная цель. Повелевать миром... Европа уже была у ног корсиканца, но дальше нужно было сделать выбор, тот самый выбор, который сделал когда-то молодой генерал французской Директории, когда задумался над тем, для кого он одерживает свои победы: для потребы жадных и развратных олигархов – “директоров” Французской республики?.. Может быть, для народа Франции?.. Нет. Все свои победы он одерживал только для себя. И покорение Европы было лишь ступенью для него на пути к покорению мира... Он последовательно и настойчиво шёл к этой цели. Он не мог остановиться теперь у границ России, даже если бы очень захотел этого. Вся его Всеевропейская империя была лишь инструментом для осуществления более великих замыслов. Его армии не могли существовать в условиях мира, они должны были идти и идти вперёд.

Было ли это формой безумия, охватившего талантливое полководца и государственного деятеля и приведшего его, в конце концов, к гибели, или, может быть, тут есть некая предрасположенность, лежащая в основе процессов развития человеческой цивилизации вообще?.. Предрасположенность, ведущая человечество в западню глобализма, к единой всесветной империи, где в рамках беспредельного диктата наступит, собственно, конец истории, как предсказано в священных книгах... Эти процессы ясно обозначаются и в современном мире.

* * *

В начале войны с Наполеоном Михаил Илларионович Кутузов оказался не у дел. После заключения блистательного во всех отношениях мира с Турцией он вернулся в Петербург и не получал никаких указаний от царя. Царю было сейчас не до него. Царь отступал вместе с войсками из Вильно, пришёл вместе со всей армией Барклая де Толли в Дрисский укрепленный лагерь на Западной Двине, где предполагалось, согласно плану Фуля, немецкого советника императора Александра, дать Наполеону решающее сражение. Но императору со стороны русских генералов было решительно заявлено, что Дрисский лагерь “мог придумать только предатель или безумец”. Расположенная в глубокой излучине Западной Двины, эта позиция напоминала мешок, она не имела прикрытых от неприятеля флангов, легко могла быть окружена силами Наполеона, и тогда 1-я армия погибла бы сразу, даже без большого сражения. Барклай-де-Толли настоял на продолжении отступления армии на Витебск, а царя его ближайшие советники уговорили покинуть армию, дабы не подвергнуться опасности “осиротить любезное отечество”.

Царь уехал в Москву, где был встречен всеобщим ликованием народа, надеющегося, что государь не оставит столицу и защитит её. Однако Александр поспешил уехать в Петербург.

Кутузов был стар. Последняя турецкая война отняла у него много сил. В своих письмах жене он жаловался на недомогание, но с какой великой радостью он воспринял известие, что на выборах командующего ополчением в Москве была жителями древней столицы предпочтена его кандидатура. Почти одновременно с этим и петербургское дворянство выдвинуло его на пост командующего ополчением северной столицы. Кутузов и взялся спешно организовывать “бородатых ратников”, как называли тогда ополченцев. Но недолго ему предстоит заниматься ополчением, уже в августе грозные звуки войны становятся всё слышней и слышней. Барклай-де-Толли, уходя от Наполеона, оставляет Витебск и уводит свою армию к Смоленску. Наполеон разочарован, он хотел под Витебском разбить главную армию русских и поставить точку в войне, заключив с императором Александром мир. Но вот он уже в Витебске, армия его уменьшилась – часть сил под командованием маршала Удино он направил в сторону Петербурга, но там корпус русского генерала Витгенштейна преградил ему путь, и наступление французов на Петербург остановилось. Неудача постигла маршала Даву, он со своим 50-тысячным корпусом преследовал 35-тысячную армию Багратиона, но Багратион ушёл от преследования, обманул Даву, раньше него вышел к Могилёву и переправился через Днепр. Теперь путь к Смоленску ему был открыт. К Смоленску отошла и армия Барклая. Наполеон видел – необходимо идти на Смоленск и там разбить объединённые силы русских. В российских столицах, особенно в Москве, тоже надеялись, что под Смоленском русские войска остановят врага. Наполеон шёл к Смоленску с 200-тысячной, поредевшей после всех потерь и тяжёлых переходов армией, о чём он извещал Даву, призывая его также идти на Смоленск. Под Смоленском объединились все силы воюющих сторон – русские (армии Багратиона и Барклая совокупно насчитывали теперь до 145 тысяч человек) и Наполеона, армия которого, после воссоединения с корпусом Даву, вновь увеличилась и достигла 250 тысяч человек.

Силы были неравные. Барклай понял это сразу и после двухдневных боёв за Смоленск начал отходить на Вязьму, в сторону Москвы. Это вызвало патологический гнев Багратиона, он открыто обзывал Барклая “дураком, предателем”, жаловался на него в письмах московскому губернатору Ростопчину, ближайшему царскому советнику Аракчееву, понимая, что всё это дойдёт до императора Александра. Положение становилось нестерпимым – нужен был единый главнокомандующий объединённой армией, а царь всё медлил. А что же он медлил? Ведь кандидатура главнокомандующего была на слуху у всех – Кутузов. Но назначить Кутузова главнокомандующим в войне с Наполеоном после Аустерлица... это ещё раз признать себя, а не Кутузова виновником аустерлицкого позора... Александр и так получал слишком много моральных пощёчин – ему постоянно напоминали (не в глаза, конечно, за глаза), что он убийца своего отца, что он бездарный полководец, что он слабохарактерный, нерешительный правитель, что он заключил невыгодный для России Тильзитский мир с Наполеоном... Самолюбие его изранено, он не хочет Кутузова! Он мечется – посылает за океан, в Америку, где проживает рассорившийся с Наполеоном генерал Моро, депешу с предложением встать во главе русских армий, сражающихся с Наполеоном. Моро отказывается, ограничивается советом – не вступать с Наполеоном в генеральное сражение, изводить его армию мелкими стычками, длительными переходами. Моро знает, что советует, армия Наполеона – это орудие быстрого успеха, затяжная война приведёт к неизбежной потере боевого духа. Совет принят, но командующего нет. Александр выезжает в финский город Або на встречу с королём Швеции, бывшим французским маршалом Бернадоттом, тоже в своё время не поладившим с Наполеоном, и ему предлагает командование – Бернадотт отказывается, хотя сочувствует русским. Выбора нет. Остаётся Кутузов. 17 августа (далее все даты – по новому стилю. – **Авт.**) собирается чрезвычайный комитет – высшие сановники государства решают, кому доверить судьбу Отечества... Единогласно – Кутузов. 18 августа царь утверждает кандидатуру Кутузова.

Царь даёт аудиенцию Кутузову, поздравляет... Старый полководец плачет. Уходя от царя, вдруг возвращается к нему с растерянным видом: “Ваше величество, у меня нет и полушки на проезд к армии – все свои наличные деньги я истратил на нужды ополчения...” – Ни слова ни говоря, Александр достаёт из шкатулки десять тысяч рублей и вручает их полководцу. На следующий день Кутузов едет в войска. Он едет к армии, навсегда в своей жизни

покидая Санкт-Петербург, свою семью, жену, дочерей. Он вернётся в этот город, но только в гробу, для вечного упокоения в Казанском соборе весной следующего года...

Он прибывает в отступающую армию, а армия уже остановила своё отступление. Михаил Богданович Барклай-де-Толли своей волей принял решение дать генеральное сражение Наполеону у местечка Царёво-Займище — это между Вязьмой и Гжатском. Место удобное — чуть всхолмленная равнина, повышающаяся с запада на восток. Собственно, Барклай бы отступал и отступал бы — до Москвы, до Владимира, хоть до Нижнего Новгорода, лишь бы сохранить армию. Но от него требуют сражения, и он не в силах уже сопротивляться. Тем более к Царёво-Займищу подходит резервный корпус генерала Милорадовича — 15 тысяч человек. Отчасти компенсированы потери, понесённые русской армией под Смоленском. Кутузов объезжает войска. Он поражён бодрым видом солдат, их боевым духом. «Приехал Кутузов бить французов!» — кричат полки вместо обычного приветствия. Кутузов машет своей белой походной фуражкой без козырька: «С такими молодцами — и отступить?..» На следующий день он приказывает... снова отступить.

Но сдать без боя Москву Кутузов не мог. Войска остановились у деревни Бородино. Вероятно, прав Лев Толстой, когда предположил, что первоначальный план Кутузова был расположить всю свою армию вдоль реки Колоочь, имея на левом своём фланге Шевардинский редут — высокий холм, господствующий над местностью. Тогда в центре русской позиции оказывалась Курганная высота, впоследствии известная как батарея Раевского. Наполеон, если бы он расположил свою армию по схеме, навязываемой Кутузовым, оказался бы в очень невыгодном положении. Неизбежно — центром всех его усилий стали бы атаки на батарею Раевского, обороняемую армией Барклай-де-Толли, которая занимала центр и весь правый фланг русской обороны. Здесь же, на правом фланге, Кутузов расположил все свои резервы, которые легко было бы перебрасывать в центр русской позиции — на батарею Раевского. Совершенно естественно, по такому плану основной удар самых крупных наполеоновских сил принимала на себя и самая крупная русская армия — 2/3 всех сил Кутузова. Но вышло иначе.

Наполеон действительно обладал исключительными талантами тактика. Он сразу же разгадал замысел Кутузова и предпринял соответствующие меры, чтобы разрушить его. Когда 5 сентября бесконечные колонны французских войск только ещё подходили к бородинскому полю, Наполеон сразу, с марша, бросает на Шевардинский редут лучшие свои пехотные дивизии — Морана и Компана, и за Шевардино завязывается жестокий кровопролитный бой. Русские артиллеристы сражаются отчаянно, когда французы, преодолев сплочённый огонь русских пушек, с большими потерями взбираются на вершину редута, русские артиллеристы не бросают свои позиции, а продолжают сражаться штыками и банниками, пока не погибают все. Но дело ещё не кончено — подходит пехотная дивизия генерала Горчакова (8 тыс. человек), редут переходит из рук в руки. Наполеон бросает всё новые и новые силы — до 30 тыс. бойцов на захват одного редута! Сражение продолжается весь день. К вечеру редут остаётся в руках французов.

После этого боя конфигурация фронта русских войск изменилась. Весь левый фланг, который обороняла армия Багратиона, отошёл немного назад, к селу Семёновскому, и там стали спешно возводиться новые укрепления, так называемые Семёновские (или Багратионовы) флеши. Но соответственно изменилось и направление главного удара французов — не по центру русской позиции на батарее Раевского, а по его левому флангу — по армии Багратиона. Тем более для Наполеона был большой соблазн нанести главный удар по армии Багратиона — ведь эта армия была слабейшей по численному составу, и значит, здесь можно было надеяться на быстрый успех. Сокрушив Багратиона, Наполеон рассчитывал выйти в тыл основных русских войск и замкнуть кольцо окружения, прижав армию Кутузова к обрывистым берегам Москвы-реки. Вот и всё — чистая победа, слава, поверженная Москва, русские бояре, выносящие ключи от древней столицы России на золотом блюде, дрожащий от страха император Александр, смиренно просящий пощады у ног повелителя мира. Далее — поход на Индию... Сладкие сны!

Кутузов не был бы Кутузовым, если бы не предвидел всего этого. Но он, когда его ещё в Петербурге после назначения на пост командующего спроси-

ли: рассчитывает ли он разгромить Наполеона? — ответил: “Разгромить? — Нет! Я желал бы перехитрить его”. Вот тут-то и тайлся второй, неясный план Кутузова. Тот план, который и стал осуществляться в ходе сражения. В записках Клаузевица о войне 1812 года есть один интересный момент. Когда сей прусский офицер на русской штабной службе объезжал поле Бородина перед битвой, то он поразился, насколько плотно стоят русские войска — в три, в четыре, в пять эшелонов по фронту. Он нигде не видел таких плотных порядков войск и не понял — для чего это? Понятно стало уже в ходе самой битвы. В течение всего дня сражения 7 сентября Наполеон наносил чудовищные по силе удары по армии Багратиона. Войска Багратиона сражались яростно, Багратионовы флешы к концу сражения были усыпаны горами трупов французских и русских солдат. Флешы (невысокие земляные укрепления) по 7, по 8 раз переходили из рук в руки! Сам Пётр Багратион, суворовский любимец, получил здесь тяжелейшую рану, от которой после скончался. . . После этой потери армия Багратиона немного подалась назад, флешы остались в руках французов. Но нигде и никогда за всё время битвы французы не смогли прорвать фронт русских, чтобы потом выйти на оперативный простор. Слишком плотным был строй русских войск. Прорывая первую линию обороны, французы тут же наталкивались на вторую, на третью. Безостановочно подходили резервы, посылаемые Кутузовым. Фронт русских войск сжимался, армия уплотнялась и, несмотря на огромные потери, оборона не ослабевала, а только усиливалась. Работал эффект сжимаемой пружины. Под чудовищным напором французов пружина русских войск сжималась, но сопротивление росло, и французский напор, в конце концов, выдохся, ведь и французы понесли огромные потери — более 50 тысяч человек. Потери русских были немногим меньше. . .

А какова вообще была численность противостоящих армий перед началом битвы? Если силы русских, в общем, подсчитаны достаточно точно — **132 тысячи, из которых, надо отметить, 21 тысяча была ополченцев (не кадровых солдат) и 7 тысяч казаков (иррегулярная конница)**, то относительно французов данные разнятся. Давайте попробуем подсчитать. Итак, у Наполеона в главной его армии вторжения было, как мы помним, у Немана 380 тысяч человек. Он сразу же отделил армию своего брата короля Вестфалии Жерома Бонапарта (60 тысяч человек) и корпус Даву (50 тысяч человек) на преследование армии Багратиона. Корпуса маршалов Удино и Сен-Сира (общей численностью 60 тысяч человек) были посланы Наполеоном на Петербургское направление. Крупных сражений до Смоленска у Наполеона не было, армия Барклая, как мы знаем, уклонялась от сражений. Текущие потери восполнялись подходившими с Запада маршевыми батальонами. Итак, легко подсчитать, что у Наполеона перед Смоленском было примерно 200 тысяч человек, о чём он писал перед Смоленском Даву (что, кстати, упоминает Тарле в своей книге “Нашествие Наполеона на Россию”). Под Смоленском к нему присоединился корпус Даву, значит, в основной армии стало 250 тысяч человек. Далее считаем: в Смоленском сражении Наполеон потерял 35 тысяч человек. Он оставил в Смоленске гарнизон — 15 тысяч человек. Наконец, были и другие потери в различных мелких стычках и за счёт дезертирства — вот и получается число **185 тысяч бойцов у Наполеона перед Бородино**, что, кстати, подтверждают некоторые историки, ссылаясь на документы, захваченные у французов при их отступлении.

Артиллерии при Бородино было даже немного больше у русских, но французские артиллеристы были лучше — это признаётся всеми, да и неудивительно — ведь сам Наполеон был артиллерист и придавал состоянию артиллерии исключительное значение. К тому же русских постигла тяжёлая потеря — в разгар битвы, защищая батарею Раевского, погиб начальник всей русской артиллерии молодой генерал Кутайсов, очень перспективный и талантливый военачальник. Кутузов, располагая меньшими силами, чем у Наполеона, вынужден был обороняться и не предпринял попытку разбить Наполеона. Тут на Кутузова и сыплются безосновательные обвинения в “лени”, в бездействии, в нераспорядительности. . . Он, дескать, всю битву сидел на своём командном пункте, на кургане у деревни Горки, а не носился на лихом коне с саблей наголо. Надо заметить, что и Наполеон ведь не носился, и в атаку не ходил, а всю битву просидел под охраной своей гвардии, которую он так и не решился двинуть в бой, хотя маршалы его просили об этом. Маршалам казалось,

что вот-вот, ещё одно усилие — и фронт русских войск будет прорван. Но Наполеон к концу битвы уже начал догадываться о замысле Кутузова и понимал недюжинным своим умом великого полководца, что и гвардии не удастся прорвать плотные порядки русских войск, а у него исчезнет последний резерв... И это за несколько тысяч лье от "любимой Франции"! Кутузов потому и сидел спокойно, что видел — его план выполняется, русская армия везде выдерживает удар, а французы обессиливают и теряют наступательный кураж. И в этом уже была победа русских!

Недаром Наполеон так желал, так жаждал сражения, так не спал всю ночь накануне 7 сентября, всё выскакивал из своей палатки, смотрел: не ушла ли русская армия? Он рассчитывал задушить русских, затоптать превосходящими своими силами, разгромить раз и навсегда, пока у него ещё сохранялось подавляющее численное превосходство. А иначе он просто бы не пошёл на Москву. Он ведь всерьёз задумывал закончить поход в Смоленске, даже сказал там во всеуслышание, что "... кампания 1812 года закончена". Но решил рискнуть, когда подсчитал, что обладает огромным численным перевесом. В этих условиях Кутузов не мог рассчитывать на разгром врага под Бородино. Выдержать бы удар! И русская армия этот удар выдержала. И это была победа.

Это была победа силы духа, победа стойкости русских солдат на поле боя, но не стратегическая победа над врагом. До этого ещё было далеко. Безвозвратные потери русских войск на Бородинском поле были огромны, французские ещё больше, но, исходя из заведомо большей численности наполеоновской армии, перевес её сил над армией Кутузова сохранялся. Возьмём максимальные цифры. Если французов погибло до 60 тысяч человек, а наступающая сторона всегда теряет больше обороняющейся — это правило войны, то всё равно французская армия после Бородино насчитывала 120 тысяч человек, причём сохранялась нетронутой основная сила, ядро — гвардейский корпус в составе Старой и Молодой гвардий Наполеона. Это — 30 тысяч солдат. Русская же армия нетронутых резервов после Бородинского сражения не имела. То есть, если бы пришлось давать ещё одну битву у стен Москвы, то французы могли выставить свежее войско против уставших, потрёпанных русских полков.

Русская же армия потеряла почти 50 тысяч численного состава и насчитывала после сражения немногим более 80 тысяч человек (что соответствует численности войск Тарутинского лагеря). Сражение, в принципе, ещё возможно было дать под стенами Москвы, ведь духовный подъём русских солдат был высок, они бы, конечно, проявили стойкость и мужество, и, возможно, Наполеон так и не вошёл в Первопрестольную. Но что дальше? Русская армия была бы совершенно обескровлена, и преследовать врага она уже не смогла бы ни при каких обстоятельствах. Наполеон свободно бы отошёл к Смоленску, как он и рассчитывал — перезимовал там. Получил бы из Европы огромные резервы, а таковые, как мы помним, у него имелись (до 200 тысяч человек — резервная часть "Великой армии"), и с весной пустился бы в новый поход на Москву. Чем бы тогда закончилась война — Бог весть! Какие бы ещё пролились реки русской крови, какие бы ещё бушевали Бородино на русской равнине — трудно себе и представить. Россия разорилась бы окончательно и, если даже и не была разгромлена, то, скрепя сердце, подписала бы с владыкой Европы тяжёлый мир и попала надолго в зависимость от глобальных наполеоновских интересов. А что это за интересы, мы помним — поход на Индию, завоевание Востока к вящей славе покорителя мира Бонапарта...

Как всё это напоминает нынешнюю ситуацию, когда сейчас Запад втягивает и втягивает нас в войну в Афганистане, пытается создать свои базы поддержки на российской территории, пытается использовать наш военный потенциал в противостоянии с Ираном... Двести лет прошло со времён наполеоновского нашествия, а ничего в отношении Запада к России не изменилось.

Так что на Военном совете в Филях, маленькой подмосковной деревушке за Дорогомилловской заставой (а ныне это уже территория Москвы — Кутузовский проспект), решался поистине судьбоносный вопрос — сдавать ли Москву? Все собравшиеся там высокопоставленные российские военные понимали — речь идёт не только о Москве — о судьбе России. Мнения разделились поровну. Такие генералы, как Беннигсен и Еромолов — были за сражение, Барклай-де-Толли, Раевский — за отступление. Последнее слово было за Кутузовым. Только от него зависело всё.

Надо понять этого человека. Предстояло принять тяжелейшее историческое решение. Судьба Москвы — священного города русской нации — была в его руках. Страшно представить: Наполеон, потомок корсиканских разбойников — в Кремле. Французские вояки, бывшие якобинцы, хозяйничают в Кремлёвских соборах, обдирают оклады священных икон, грабят дома, обижают оставшихся жителей, пьют, насильничают. “Столица государства, попавшая в руки неприятеля, напоминает девку, побывавшую в руках насильников, — самодовольно заявляет Наполеон, — что хочешь делай, а чести уже не вернёшь”. Такова была участь, уготованная Москве Наполеоном, цивилизованным варваром из “культурной” Европы. Но...

“Вы боитесь отступления через Москву, а я смотрю на это как на провидение, ибо это спасёт армию. Наполеон — как бурный поток, который мы еще не можем остановить. Москва будет губкой, которая его всосёт... Знаю, что ответственность падёт на меня, но жертвую собою для блага Отечества. Повелеваю отступить! — Потом помолчал и добавил: — С потерей Москвы ещё не потеряна Россия”, — таковы были заключительные слова Кутузова на военном совете в Филях. Генералы, участники совета, в молчании разошлись... Потом один офицер заглянул в избу, где проходил совет, и увидел Кутузова, сидящего одного и горько плачущего, почти рыдающего навзрыд... Участь Москвы была решена. Совет в Филях проходил 13 сентября, а потом весь день 14 сентября армия покидала Москву. Между прочим, Кутузов приказал армии отступить через центр города. Войска шли по Арбату, выходили к Кремлю, далее сворачивали на Таганку, а там, через Язузу — на Рязанскую дорогу. Для чего это было сделано? Не остаётся сомнений, что сделано это было, чтобы ещё раз русское сердце облилось кровью при виде великих святынь России — Кремля, древних соборов, московских дворцов, которые теперь доставались неприятелю. Русское сердце обливалось кровью, но закалялось, наполнялось мужеством и решимостью до конца биться с ненавистным врагом. Сам Кутузов ехал в открытой коляске, в виду войск, с поникшей головой. Словно сам подвергал себя моральной экзекуции. Войска первый раз в жизни не кричали ему “Ура!”, бегущие жители проклинали... Но это надо было пережить.

Вслед за армией Москву покидало и всё население. Я говорю “всё”, потому что это в очень большой степени соответствует действительности. Из 275 тысяч жителей тогдашнего населения столицы в Москве, “под французом” осталось тысяч 6–7. Можно себе представить этот “великий исход”! Как свидетельствуют очевидцы, Рязанская и Владимирская, Ярославская и Тверская дороги были запружены морем народа, колясок, кибиток, карет, любых экипажей. Всё это море колыхалось и безостановочно катилось прочь от любимого города. Передать весь ужас народной трагедии невозможно. Вероятно, только люди, пережившие 16 октября 1941 года, знаменитый “день смятения”, когда, вот так же, население кинулось из Москвы, опасаясь прихода фашистов, только эти люди и могут представить себе картину всего происходящего тогда... Народ уходил из Москвы, город оставался пустым.

На следующий день вечером на Поклонной горе, у Дорогомиловской заставы Москва увидела силуэт низкорослого, плотного телосложения, одетого в серый походный сюртук человека в треугольной шляпе, сидящего на прекрасном белом арабском скакуне. Повелитель мира рассматривал поверженный город и ждал депутацию “русских бояр” с ключами столицы. Москва безмолствовала...

В лучах заходящего солнца город золотился крестами, куполами и колокольнями всех своих бесчисленных церквей — “сорока сороков” православной веры. Причудливые крыши многочисленных дворцов навевали мысли об азиатской пышности и царском величии. Широкие улицы, “как в Париже!”, делали город похожим на великие европейские столицы. Это была “столица Скифии”, мечта всех завоевателей, и она лежала теперь у ног корсиканца.

Так и не дождавшись депутации жителей, Наполеон послал Мюрата с его конницей обследовать город, а сам неторопливо поехал по Дорогомиловской. Французы были восхищены великолепными зданиями, особняками, возвышающимися вокруг между прекрасных разбитых садов и парков. “Это город дворцов!” — восклицали они. Наполеон поостерегся сразу ехать в центр, заочевал в одном из брошенных особняков. Всю его свиту поразила совершенно европейская обстановка и убранство комнат, не хуже, чем в Париже.

Между тем конница Мюрата достигла Кремля. Казалось, Кремль был пуст, но как только французы попытались въехать в него, навстречу им загремели выстрелы. Кучка отчаянных людей обороняла Кремль до последней капли крови. Никто из них не сдался, все полегли на кремлёвских стенах. Рассказывают, что когда у них кончились заряды, они кинулись на французов врукопашную и сражались, пока не были убиты. Кто были эти неизвестные герои?.. Это осталось тайной. Одной из многочисленных тайн той необыкновенной войны.

А дальше произошли странные и до конца не понятые историками события. Не успел Наполеон въехать в Кремль и расположиться в Большом царском дворце, как в Москве сразу в нескольких местах вспыхнули пожары. Сначала загорелись фабрики и склады готовой продукции, располагавшиеся на окраинах города, а потом сразу загорелся центр – огромный Гостиный двор и торговые ряды, находящиеся рядом с Кремлём, там же, где сейчас находится ГУМ. Историки обычно повторяют версию, которую выдвинули французы, о каких-то таинственных поджигателях, подручных московского губернатора Ростопчина, которые по его приказу поджигают город. Ростопчин всё это категорически отрицал, даже написал книжку, опровергающую его причастность к пожарам. Сам он в это время еле спасся из Москвы, укрываясь от разгневанных москвичей возле коляски фельдмаршала. Кутузов считал, что Москву поджигают сами французы, что у них даже есть план поджога Москвы, когда после разграбления очередного квартала этот квартал сжигался, чтобы замести следы. Собственно, город действительно был отдан на поток и разграбление по плану, когда сначала грабила гвардия, потом солдаты лучшего корпуса французской армии Даву, потом другие корпуса. Об этом мнении Кутузова сейчас редко вспоминают, выдвигая довод, что ведь Наполеон собирался зимовать в Москве, зачем же ему было сжигать город? Но вот тут-то и неясность. Наполеон вовсе не хотел надолго задерживаться в Москве. Дела звали его в Европу. Но в Европу он желал вернуться победителем. Значит, ему нужен был победоносный мир. А император Александр этого мира уже не желал. Он понимал, что после всех унижений, понесённых им в несчастливой войне с Наполеоном, если он снова склонится перед захватчиком, то уж на престоле ему не усидеть. Александр закурил удила и заявил, что “скорее поедет в Сибирь и будет там есть картошку с мужиками, но мира с Бонапартом не заключит”. Наполеон это понял и начал готовиться к походу на Петербург из Москвы, тем более возможному, что армия Кутузова отошла к югу, прикрыла Калужское направление, удобное в том отношении, что можно было контролировать и Смоленскую дорогу. Москва Наполеону была уже не нужна, в принципе её можно было и сжечь. Недаром Наполеон, уходя из Кремля, приказывает взорвать Кремль. Однако чудовищный пожар Москвы, спровоцированный самим Наполеоном, вдруг обнажил все слабости его разноплеменной армии. С ужасом император французов увидел, что его армия превращается в сброд. Дисциплина падает, солдаты разбредаются по огромному городу, грабят дома, взламывают винные погреба, а их в Москве оказалось во множестве, потом поджигают разграбленные дома и притом уверяют, что это сделали какие-то неуловимые поджигатели. Наполеон приказывает найти поджигателей. Французские жандармы начинают хватать на улицах безвинных москвичей, сгоняют их на территорию Высоко-Петровского монастыря (на ул. Петровка), там устраивается что-то вроде импровизированного концлагеря. Тут же действуют французские военные суды, приговорённых “поджигателей” партиями выводят во двор и расстреливают. Недострелянных закалывают штыками. Сцены этих чудовищных расправ читатель может найти на страницах бессмертного романа Льва Толстого... В это самое время “корсиканский людоед” стоит на стенах Кремля, смотрит на бушующие в Москве пожары и причитает: “Это они сами поджигают! Это скифы, скифы! Это дикари!”... Через два года в апреле 1814 целая армия этих “скифов” войдёт в поверженный Париж. Радостная, возбуждённая толпа парижан будет встречать императора Александра Благословенного, гарцующего на прекрасном коне. “Мы так вас долго ждали, почему вы так долго не шли!” – крикнут ему из толпы. Александр галантно снимет шляпу, раскланяется... “Мужество ваших солдат задержало меня!” – патетически воскликнет он. Гром аплодисментов заглушит всё вокруг. Разумеется, Париж не горел... .

А фельдмаршал Кутузов, к тому времени, уже больше года будет лежать в земле. Он скончался в городке Бунцлау (ныне Болеславец в Польше) 28 ап-

реля 1813 года, измученный бесконечной войной... Его старое сердце ещё выдержит все тяготы страшного зимнего похода 1812 года, когда армия Кутузова будет день за днём наседавать на отступающую, а затем – бегущую армию Наполеона. Он не даст Наполеону ни дня, ни часа, ни минуты передышки. После месяца пребывания в Москве, после того как Наполеон пошлёт своего министра Лористона в Тарутино, в ставку Кутузова, дабы этот хитрый дипломат уговорил Кутузова подписать мир и закончить войну, а Кутузов скажет ему, что он-то войну “только начинает”... после этого Наполеон спешно со своей армией покинет Москву. Прикажет взорвать Кремль, произойдут взрывы, но рухнет только одна из башен Кремля – Никольская, впоследствии восстановленная, а другие устоят. Взрывы же под Кремлёвскими соборами вообще не состоялись. Русские партизаны, имена которых останутся в неизвестности, смогли предотвратить это варварство.

Наполеон поведёт свою, всё ещё достаточно большую, армию на Калугу, где сосредоточены запасы продовольствия и снаряжения для русской армии, Но Кутузов преградит ему путь у Малоярославца. Семь раз в ходе ожесточённого боя будет переходить город из рук в руки. Наполеон захватит его, но армия Кутузова на сей раз не уступит ему дорогу. Кутузов отступит от города, займёт Калужскую дорогу и в Калугу Наполеона не пустит. И Наполеон смирится... Первый раз в жизни он пустится в отступление, а Кутузов пойдёт параллельным маршем, постоянно наседавая на бегущую армию “всей Европы”, уничтожая отдельные её части, подгоняя её бегство. Наполеон будет бежать так быстро, что в результате проскочит каким-то чудом западню, что была подготовлена ему на Березине. Он со своей гвардией опередит Кутузова на два дня, обманет Чичагова, который подошёл к Березине с юга и должен был со своей свежей армией задержать Наполеона. Император Европы, какмышь, вырвется из этого капкана, пожертвует большей частью своей армии, оставив её на восточном берегу Березины, где она сдастся русским, а сам поспешно побежит к Вильно. Но, не дойдя до Вильно, он бросит и гвардию, и остатки армии и умчится в санках, имея спутником только своего верного советника Коленкура, к Неману, который и переедет по льду в сильнейший мороз в начале декабря 1812 года. А остатки его некогда “великой” армии добредут до Вильно, здесь бросятся грабить продовольственные склады и будут застигнуты за этим занятием наступающими частями русской армии, которым сдадутся на полную милость.

ЛИТЕРАТУРА:

Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., Центрполиграф, 2003.

Фон Клаузевиц К. 1812 год. М., Штрихтон, 1997.

Тарле Е. В. Наполеон. М., Наука, 1993.

Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. М., Эксмо, 1997.

Рыленков Н. И. На старой смоленской дороге. Смоленское книжное издательство, 1961.

Жилин П. А. Отечественная война 1812 г. М., 1988.

Делдерфилд Р. Ф. Изгнание Наполеона из России. М., Центрполиграф, 2002.

Де Коленкур А. О. Русская кампания 1812 года. Смоленск, Русич, 2004.

“1812 год в воспоминаниях современников”. М., Правда, 1987.